

Его величество Счастье

Валерия

ВЕРБИНИНА

Ангелов
в Голливуде не бывает

Его величество случай

Валерия Вербинина

Ангелов в Голливуде не бывает

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Вербинина В.

Ангелов в Голливуде не бывает / В. Вербинина —
«Эксмо», 2016 — (Его величество случай)

Счастливое детство в царской России, бегство после революции за границу, работа машинисткой в лос-анджелесской газете во время Великой депрессии – все это выпало на долю Татьяны Коротич. Ее скромную одинокую жизнь на чужбине полностью изменило знакомство с итальянским семейством Серано. Татьяна влюбилась в одного из четырех братьев, но он трагически погиб. После этого ею овладела апатия, и она приняла ухаживания другого брата Серано, Тони. Девушку даже не смущало, что к тому времени из добропорядочного работника автосервиса Тони превратился в правую руку итальянского мафиози. Таня убеждала себя, что сама она к его криминальной деятельности не имеет отношения, пока не подозревая – если свяжешься с мафией, то вырваться уже не получится...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Вербинина В., 2016
© Эксмо, 2016

Содержание

1	6
2	11
3	15
4	20
5	24
6	28
7	31
8	35
9	38
10	41
11	45
12	48
13	53
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Валерия Вербинина

Ангелов в Голливуде не бывает

© Вербинина В., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

*Данный роман является вымыслом, любые совпадения с
реальностью случайны.*

1

Асфальт плавился от жары. Я не могла отделаться от ощущения, что колеса моей колымаги вязнут в нем. От духоты, царившей в салоне, не спасали даже открытые окна. Не выдержав, я остановила машину возле аптеки на углу и смело шагнула в раскаленное марево лос-анджелесского дня.

Дверь хлопнула, отрезав меня от адского пекла, но облегчения не наступило. Под потолком устало ворочал лопастями старый вентилятор, больше притворяясь, что приносит прохладу. Стоящий за прилавком мужчина, который любовно протирал весы, повернул голову в мою сторону. Как и в большинстве местных аптек, здесь торговали не только лекарствами, но и напитками, кремами, леденцами и тому подобным. На вид продавцу было около пятидесяти, и он производил впечатление человека, который уже родился таким, каким вы его встретили. По крайней мере, представить его ребенком или подростком казалось практически невозможным. У него было худое лицо со стертыми чертами, печальные глаза существа, на которое ополчился весь свет, усы щеткой и скупые, замедленные движения.

– Добрый день, – сказала я. – Содовая с мороженым есть?

– Для вас хоть шампанское, леди, – отозвался продавец. Он оставил в покое весы и взял высокий стакан.

– Значит, шампанское тоже есть?

– Разумеется. В Париже и в Канаде, полагаю, тоже. – И он воззрился на меня с невозмутимым видом. Я не могла удержаться от улыбки. – Жарковато сегодня, а? Вам какое мороженое положить?

– Давайте ванильное.

Глотнув холодный напиток, смешавшийся с мороженым, я почувствовала, что мир не так уж плох, как мне казалось минуту тому назад. Зазвенела касса, продавец придвинул ко мне сдачу.

– Повторите, – попросила я.

– Может, на этот раз с клубничным мороженым?

– Давайте с клубничным. Кстати, не подскажете, до портнихи Серано далеко ехать?

– На машине минут пять, наверное. Прямо до перекрестка, потом налево, – ответил продавец. – Красный дом с вывеской. Рядом автомастерская, не пропустите, я думаю. Что-нибудь еще?

– Нет, спасибо, больше ничего.

Мне показалось, что за время моего отсутствия сиденье в салоне стало еще горячее, хотя я и полагала, что это практически невозможно. Ерзая на месте, я в который раз спросила себя, за каким чертом я поддалась на уговоры Гормана и потащилась сюда в свободный от работы день. Впрочем, раз я была так близко от цели, отступить не имело смысла, и я включила зажигание. Мотор недовольно чихнул несколько раз, но все-таки завелся, и я поехала к перекрестку, на котором в этот час не было видно ни единой машины, кроме моей.

Миссис Серано жила в маленьком двухэтажном домике. Довольно скромная вывеска извещала, что тут находится ателье, но обычные клятвенные (и лживые) заверения, что владелица имеет отношение к парижской моде, отсутствовали. Когда я вошла, над дверью робко тренькнул колокольчик, но тут же умолк. Жалюзи были опущены, свет еле-еле проникал сквозь щели, и в помещении царили полумрак и восхитительная прохлада. Осмотревшись, я заметила портновский манекен, не обремененный лишними деталями тела – такими, как голова, руки и ноги. Также имелись в наличии высокие ширмы в углу, стол закройщицы с обрезками тканей, нитками и подушечкой, ошетилившейся булавками на манер ежа, неболь-

шой ковер на полу и несколько журналов и разрозненных страниц с фасонами платьев на кресле, явно выдавшем лучшие времена.

– Есть кто-нибудь? – громко спросила я.

Мой вопрос ушел в никуда. На стене, припиленные булавками к обоям, красовались несколько открыток, и я подошла поближе, чтобы их рассмотреть. Актеры и певцы, почти сплошь итальянцы. Я заметила карточку Валентино¹, а также нескольких оперных исполнителей. Была среди них и фотография очень красивой женщины с автографом, надписанным не горизонтально, как это обычно делается, а вертикально. Поглядев на лицо, я сразу вспомнила, кто это – еще до того, как увидела имя, напечатанное мелкими буквами внизу карточки. Больше всего, впрочем, меня заинтриговал тот факт, что открытка, судя по всему, была русской.

– Что вам угодно? – произнес низкий женский голос за моей спиной. В речи говорившей чувствовался небольшой итальянский акцент.

Я быстро обернулась. Возле двери, которую я сначала не заметила и которая, очевидно, вела во внутреннее помещение, стояла женщина с темными волосами, собранными на затылке в узел, и пытливыми глазами. Лицо гладкое, почти лишенное морщин, но тем не менее я поняла, что ей, наверное, уже сравнялось 40. Она изучала меня и явно не скрывала этого.

– Вы миссис Серано? – сказала я. – Роза Серано?

– Да, так меня зовут. – Она повела плечом и едва заметно улыбнулась, не переставая следить за мной. – Вы хотите что-то сшить?

– Да, то есть... То есть не совсем. – Я почувствовала, что начинаю теряться перед этим ясным и в то же время таким оценивающим взглядом. – Меня послал к вам Фрэнк Горман. Он должен мне денег... а так как заплатить он не может, мы условились, что я получу в свое распоряжение ткань, которую вам отдала его жена, чтобы... чтобы вы сшили ей юбку. Впрочем, он сам все написал...

Порывшись в сумочке, я достала записку Гормана и отдала ее Розе. Подняв брови, моя собеседница развернула сложенный вдвое лист и пробежала письмо глазами. Как будто этого было мало, покосилась на меня и принялась читать еще раз, медленно, с самого начала. Чувствуя себя немного не в своей тарелке, я отвернулась к стене с открытками и стала смотреть на лицо прекрасной дамы в открытом бальном платье и диадеме с крупными камнями.

– Это Лина Кавальери², – подала голос хозяйка. – Для нее писали оперы знаменитые композиторы. Надпись на открытке странная, конечно...

– Ничего странного, – не удержалась я. – Это ее фамилия на русском.

– О. – Роза впервые посмотрела на меня с любопытством. – Вы русская?

Я не видела смысла этого отрицать.

– Красивая она была, – сказала Роза, складывая записку. – Очень.

– Да, я ее видела однажды. Правда, это было давно, еще до войны.

Во взгляде Розы появилось недоверие.

– Сколько же вам было тогда? – спросила она.

– Лет пять, наверное. Мы остановились в отеле на юге Франции, спустились вниз и увидели ее в саду. У нее было белое платье со шлейфом и белый зонтик от солнца. Она просто стояла, а вокруг толпились пять или шесть мужчин. Помню, хотя я была маленькая, меня все же это немного озадачило.

Роза вздохнула.

¹ Рудольф Валентино (1895–1926) – кинозвезда итальянского происхождения, пользовавшийся исключительной популярностью.

² Лина Кавальери (1874–1944) – итальянская оперная певица, знаменитая красавица, служившая моделью для многих художников.

– У мистера Гормана скверный почерк, не уверена, что я прочитала ваше имя правильно, – негромко промолвила она. – Как оно произносится?

– Татьяна.

– Вы хорошо знаете мистера Гормана?

– Ну... Мы работаем в газете. Я машинистка, он репортер. – Роза молчала, и я почувствовала необходимость объяснить: – Платят мало, и я беру заказы на дом. Я кое-что напечатала для него, но он не смог мне заплатить, поэтому... поэтому я здесь.

– Сколько он вам должен?

– Девять с половиной долларов.

Моя собеседница усмехнулась.

– Ткань, которую купила его жена, столько не стоит, – веско уронила она. – Даже если добавить задаток за пошив юбки... Я вам сейчас покажу.

Роза удалилась и почти тотчас же вернулась с куском материи, который оказался дешевым ситцем безнадёжной расцветки. Я почувствовала, как во мне начинает закипать злость. Итак, я угробила несколько свободных вечеров на то, чтобы перепечатать идиотский детективчик, который накропал Фрэнк, и что же получила взамен? Расходы на бензин, чтобы добраться до миссис Серано, ситец, который я не стала бы носить даже в кошмарном сне, и в перспективе – солнечный удар, который почти наверняка прикончит меня по дороге домой.

Входная дверь грохнула, колокольчик взвыл сиреной. В помещение ввалились двое: один – плечистый и развязный, в шляпе, заломленной на затылок, но по-настоящему я разглядела только второго. У него было красивое доброе лицо – сочетание само по себе редкое, потому что красоте частенько сопутствуют гордыня, зазнайство и сонм других, более мелких грехов. Заметив меня, он застенчиво улыбнулся, и от его улыбки в полутемной комнате словно стало светлее. Развязный, завидев меня, сдернул с головы шляпу, но я не обратила на это внимания.

– В чем дело, Тони? – недовольно спросила Роза, адресуясь главным образом к развязному.

– Ни в чем, мама, – ответил тот, косясь на меня. – Винс выдул всю газировку и убрался к своей невесте. С утра только и говорил, что о шторах и мебели, которые будут у него в доме. Аж тошно слушать!

– Тони! – Роза послала сыну предостерегающий взгляд.

– Мам, посетителей все равно нет, – вмешался второй из вновь прибывших. – И в гараже адски жарко.

– У меня посетитель, – промолвила Роза строго, но уже сейчас было заметно, что ее строгость – напускная. – Вы что, оставили Лео в мастерской одного?

– Почему одного? – пожал плечами Тони. – Шрам же с ним.

Роза нахмурилась.

– Я уже просила тебя не называть его так, – сказала она сухо.

– При чем тут называть – не называть, – проворчал Тони, с преувеличенным вниманием оглядывая подкладку шляпы, – если само на язык просится... – Роза сверкнула глазами. – Ладно, мам, я все понял. Как насчет позднего обеда... или раннего ужина?

Его брат фыркнул.

– Я же сказала: у меня посетитель, – напомнила непреклонная Роза. – Вернется Винченцо, сядем за стол.

– А если он там застрянет до завтра? – хмыкнул Тони, блестя глазами.

– О мадонна, что за наказание с этими детьми! – не выдержала Роза. – Антонио, Джонни, идите и не мешайте мне работать!

Хохоча и толкаясь, братья пересекли комнату и скрылись за дверью, причем Тони на прощанье отвесил мне поклон, держа шляпу в руке.

Роза вздохнула и перевела взгляд на меня.

– Это ваши сыновья? – задала я глупый вопрос, просто чтобы сказать что-нибудь.

– Да. – Даже в этом коротком слове чувствовалась ее гордость. Определенно, Роза Серано начала мне нравиться.

– И сколько их у вас?

– Четверо. Винченцо, Антонио, Джонни и Лео. Они работают в автомастерской по соседству.

Подъезжая к дому Розы, я заметила рядом мастерскую, но не обратила внимания на вывеску. Что ж, удобно: мать – в ателье, дети – в двух шагах в гараже.

– А ваш муж? – не подумав, ляпнула я и тотчас же пожалела о своем вопросе. Лицо Розы замкнулось, улыбка исчезла.

– Мой муж умер, – сдержанно ответила она. – В больнице.

– Простите, пожалуйста, – поспешно проговорила я. – Мне не стоило....

– Нет, нет, все в порядке. Как я вам уже говорила, – продолжала Роза, встряхивая ткань, которую все это время продолжала держать в руках, – этот кусок не стоит девяти с половиной долларов. Нехорошо было со стороны мистера Гормана так вас обманывать.

Я смешалась.

– Может быть, Фрэнк не знал... Или жена ему сказала, что ткань стоит дороже...

Слушая мой бессвязный лепет, Роза усмехнулась и покачала головой.

– Вы хотите забрать этот кусок? Будете шить сами?

– Я не знаю, – мрачно ответила я. Абсурдность ситуации начала меня угнетать. – Ткань ужасная, что из нее вообще можно сделать?

– На вас? – Роза мгновение подумала. – Платье.

Я представила себя упакованной в платье из синего ситца с рисунком в виде белых тюльпанчиков, и содрогнулась.

– Если я возьмусь за дело, – добавила моя собеседница, разворачивая материю и прикладывая ее ко мне, – это будет такое платье, которое не стыдно надеть на вечеринку к друзьям.

– Тут не хватит на платье, – попыталась я опустить Розу с небес на землю.

– На миссис Горман не хватило бы, у нее широкая кость. Но на вас – хватит. И я не возьму с вас много за пошив, тем более что миссис Горман уже внесла часть суммы. – Я заколебалась. – Красивые девушки должны ходить в красивой одежде. Решайтесь. Эта ткань, конечно, не шелк и не атлас, но любая ткань – это только полдела. Главное – раскрой. А самое главное, конечно человек, который все это будет носить.

Похоже, черные глаза Розы Серано обладали даром гипнотизировать, потому что я почувствовала, что готова согласиться; но когда портниха добавила, что аванса, оставленного миссис Горман, не хватит и я должна ей еще пять долларов, меня снова охватили сомнения. Моя собеседница тотчас же их заметила.

– Впрочем, – сказала она, – деньги можете занести позже, а я пока подумаю над фасоном. В четверг вам удобно?

Я сказала, что четверг меня вполне устраивает. Роза сняла с меня мерки, записала их в книжечку и дала мне свой телефон, а я продиктовала свой адрес и номера, по которым меня можно было найти. Как видите, вместо обретения прибыли в девять с половиной долларов я дала втянуть себя в дополнительные расходы, и уже по одному этому можно было судить о моей практичности. Провожая меня до двери, Роза легонько дотронулась до моей руки и сказала:

– Позвольте мне дать вам один совет. В следующий раз требуйте с мистера Гормана всю сумму и не идите на уступки, хорошо?

Я пообещала ей, что в следующий раз непременно, обязательно, однозначно буду тверже камня, и, попрощавшись с портнихой, шагнула обратно в раскаленный ад.

2

Подойдя к машине, я заметила, как из-под нее сверкнули чьи-то желтые глаза. Мелькнул кончик пушистого серого хвоста и тотчас же исчез. Кот, конечно же. Ему тоже было жарко, и захотелось понежиться в теньке, только вот место он выбрал совсем неудачное. Я наклонилась и заглянула под машину.

– Вылезай, – сказала я коту. – Кш-ш! Брысь!

Кот весь подобрался и замер. С его, кошачьей точки зрения я, вероятно, выглядела как захватчица, которая – чем черт не шутит – пытается выгнать его, чтобы самой полежать в тенечке, и он расположился так, что снаружи его достать было практически невозможно. Я хлопнула в ладоши раз, другой – кот не шелохнулся. Он сидел, тараща на меня свои желтые глазищи, и явно не собирался сдаваться без боя.

Я открыла дверцу и нажала на клаксон. Из автомастерской вышел работник в синем комбинезоне. Став в тени под навесом, он зажег спичку о ноготь и с наслаждением затянулся. Клаксон ревел и трубил, как раненый слон. Когда я снова заглянула под машину, кот по-прежнему сидел там, но сейчас он, казалось, ухмылялся – как вполне достойный потомок Чеширского кота.

– Вам помочь, мисс?

Работник подошел ко мне, и тут я, признаться, озадачилась. Передо мной стоял парнишка лет 16–17, не больше. Каштановые волосы, давно не стриженные, лезли в глаза. В пальцах дымилась недокуренная сигарета.

– Кот забрался под машину, – объяснила я. – И не хочет вылезать, а дотянуться до него я не могу.

– Ясно, – сказал мой собеседник и, наклонившись, заглянул под машину. При этом движении волосы на его лбу качнулись, открыв старый шрам, который заходил на левую бровь и рассекал ее надвое. Поглядев на руки незнакомца, я заметила другие рубцы от старых шрамов, которые совершенно не вязались ни с его возрастом, ни со свежим лицом, но не успела даже удивиться, потому что мой собеседник бросил сигарету и легким движением скользнул под машину. Оттуда донеслось злобное фырчание, и через мгновение серый кот выскочил наружу и что есть духу помчался к дому на другой стороне улицы. Юноша в комбинезоне выбрался из-под машины, потирая правую руку, которую, судя по всему, кот таки успел на прощанье хватануть когтями.

– Он вас сильно поранил? – встревожилась я.

– Ну не насмерть же, – ответил юноша с широкой улыбкой. – Это кот миссис Дженсен. – Он кивнул на дом напротив. – Такой же мерзкий, как она сама.

– Правда? – пробормотала я.

– Она два раза заявляла на нас в полицию, что мы торгуем краденными деталями. Чертова ведьма. Ее муж бросил, вот она и бесится. – Он прищурил глаза, и тут я заметила, что они у него серо-голубые. – Я Рэй, а вы новая клиентка Розы? Раньше я вас тут не видел.

– Миссис Серано обещала сшить мне платье, – сказала я. – Спасибо за помощь, и... До свиданья.

– Обращайтесь, если что понадобится, – сказал Рэй. – Мы любой ремонт делаем, быстро и недорого. – Он критически оглядел мою колымагу. – Машина у вас... м-да... машина, в общем.

– Вы мне открыли глаза, – не удержалась я, садясь на водительское место. – А я-то была уверена, что это «Роллс-Ройс».

Он засмеялся, и я помахала ему на прощание рукой, прежде чем уехать.

...Итак, шло лето 1928 года. Август? Да, наверное, август. Просматривая записи, которые я от случая к случаю вела в ту пору (не знаю зачем), я вижу, что еще весной прошлого года съехала из первой своей лос-анджелесской квартиры. Это была человеческая конура с окнами, выходящими на железную дорогу, и проходящие по ней поезда грохотали так, что стекла дребезжали в рамах и с полок падали мелкие вещи.

Уяснив себе непреложную истину, что экономить можно на чем угодно, только не на жилье, я стала искать выход. Казалось вполне логичным, что, если поселиться в одной квартире с кем-нибудь из девушек, которые работают в нашей газете, это позволит решить все проблемы. Но, как известно, логика и люди – две вещи несовместные. На общей территории со знакомой машинисткой я продержалась всего полторы недели. Лиззи была милой девушкой, но в быту человек раскрывается с самых неприглядных сторон, и ее привычка разбрасывать везде грязное белье и брать без спроса чужие вещи произвела на меня удручающее впечатление. Знакомая моя к тому же находилась в постоянном поиске подходящего мужчины и считала, что если переспать с одним, другим, третьим и сто третьим, то методом перебора рано или поздно наткнешься на что-нибудь приличное. Устраивая дома очередное свидание, она просила меня пойти куда-нибудь и не мешать ее планам, так что, когда я узнала от одного из наших фотографов, что по соседству с домом, в котором жил он сам, сдается маленькая квартира за приемлемую плату, я собрала свои вещи и ушла окончательно.

– Дом многоквартирный, жильцы как жильцы, в уголовную хронику вроде никто не попадал, – рассказал фотограф, которого звали Роджер. – За управляющего там некая миссис Миллер, будь с ней осторожна. Если она тебя невзлюбит, то выживет в два счета.

Миссис Миллер оказалась сухощавой седовласой дамой с выцветшими глазами и тонкими губами, которые улыбались крайне редко и лишь в виде большого одолжения позволяли себе сложиться в ироническую усмешку, когда того требовали обстоятельства. На первый взгляд миссис Миллер казалась безобидной, как горшок с фиалками, но люди, которые имели несчастье ей не угодить, если и сравнивали ее, то с гадюкой, старой жабой, злобной ехидной, цербером, ведьмой и тому подобными милыми созданиями. Не угодить ей было легче легкого. Она неутомимо преследовала любое нарушение порядка, к которым при желании можно было отнести что угодно: затянувшуюся вечеринку, неудобных посетителей, слишком громко включенное радио, распитие запрещенного законом спиртного, гадящих в неположенных местах собак, даже плачущих детей. Чтобы держать жильцов на коротком поводке, годились любые поводы; миссис Миллер точно знала, кто бросил окурочку на пол и кто плюнул мимо плевательницы, и устраивала по этому поводу склоки, перед которыми меркли даже десятилетние разборки троянцев с ахейцами. Не знаю, каким образом, но она всегда оказывалась в курсе всего, что касалось ее жильцов, и я хорошо помню, как неприятно меня поразило, что миссис Миллер оказались известны даже те факты о моей семье, о которых я никому никогда не говорила – что мои родители не были женаты, что моя мать называла себя актрисой, но давно не выступала на сцене, и что мой отец, барон Корф, состоял в свите российского императора и умер на чужбине после того, как империи не стало. Не менее пугающей, чем осведомленность миссис Миллер, была ее сверхъестественная проницательность. Глядя на хорошенькую, как куколочка, хористочку, которая уезжала из нашего дома вскоре после того, как ее взял на содержание какой-то банкир, миссис Миллер изрекла: «Хорошо начала, да плохо кончит». Прошло несколько месяцев и под диктовку Фрэнка Гормана я, ежась, печатала на машинке для отдела уголовной хроники жуткие подробности убийства этой самой хористочки, труп которой был найден в Гриффит-парке. А когда в пустующую квартиру на пятом этаже въехали молодожены, миссис Миллер, поглядев на то, как они воркуют друг с другом, ни с того ни с сего бухнула:

– Слишком много молодой работает, не к добру это. Скоро молодая загуляет, а он не дурак, сразу догадается, что к чему. Разведутся – и года не пройдет.

И, само собой, она оказалась совершенно права.

Что касается моего отношения к миссис Миллер, то я не слишком о нем задумывалась. Меня вполне устраивало, что моя нынешняя квартира лучше, чем дребезжащий ужас у железной дороги, и что мне не приходится ни с кем ее делить. В этой бочке меда я согласна была отвести миссис Миллер роль ложки дегтя – но не более чем ложки. Справедливости ради следует добавить, что тогдашний мой образ жизни если и не был идеалом, то оставлял мало возможностей для придирок с ее стороны. Я не устраивала шумных вечеринок, не притрагивалась к спиртному, не включала радио – хотя бы потому, что не удосужилась его завести, – и не разбрасывала окурки по той простой причине, что не курила. Дома у меня была пишущая машинка, которую я назвала Эрикой по имени предыдущей владелицы, уступившей мне ее за полцены, и на этой машинке я стучала вечерами, чтобы заработать лишнюю пару долларов. Тексты, которые приходилось переписывать, были, как нарочно, один беспомощнее другого. Люди, которые не могли сочинить десяти строк живого диалога, писали длинные пьесы с подробными разъяснениями, где именно на сцене какой предмет мебели должен стоять, и месяцами, годами пытались пробить их постановку. Нервные дамы, вдохновившись статьями о том, сколько платят Фитцджеральду или Хемингуэю за один рассказ, пытались сочинять истории для журналов, путались в многоэтажных несущественных описаниях и допускали множество грамматических ошибок. Да что там далеко ходить, взять хотя бы моего знакомого, бойкого репортера Фрэнка Гормана: приехав с места происшествия, он на основе кратких заметок в блокноте мог с ходу надиктовать мне куда более живую и интересную статью, чем его собственный детективный роман с ходульными героями и нелепыми сюжетными поворотами. За его перепечатку я получила аванс в пять долларов, но когда работа была окончена, Фрэнк стал тянуть время и в конце концов сознался, что сейчас у него нет денег – совсем нет, ни цента, и ему ужасно неловко, но...

– Опять продул все в карты? – напрямик спросил Роджер, слышавший часть нашего разговора.

Фрэнк уклонился от ответа и сказал, что он, кажется, придумал, как решить проблему. Его жена только что купила отличный кусок ткани и заказала юбку у знакомой портнихи, миссис... как бишь ее? Сантано? Нет, Серано. Я могу договориться с портнихой и забрать ткань себе, это очень выгодно, ведь материя, о которой идет речь, стоит дороже девяти долларов.

– Фрэнк, это просто смешно, – сказала я. – Та портниха наверняка уже раскроила ткань, а твоя жена... прости, но она гораздо крупнее меня.

Но Фрэнк уже увидел выход, который вполне его устраивал, и с тем же напором, с каким он выцарапывал из людей нужные ему сведения, он принялся обрабатывать меня. Эта миссис Серано – отличная портниха, у нее гора заказов, она наверняка еще не притрагивалась к той материи, и потом, что я теряю? Кусок ткани – это все-таки лучше, чем ничего...

– Напиши записку миссис Серано, я съезжу к ней, – сдалась я наконец. – Но на будущее учти: если тебе понадобится переписывать что-то на машинке не для газеты, всю сумму будешь платить вперед.

– Дорогая Тат, – так коллеги в газете сократили мое имя, хоть и знали, что я терпеть не могу это сокращение, – я никогда не говорил тебе, что ты ангел? Когда ангелы сердятся, они выглядят еще прекраснее, ей-богу! Если бы я не был женат...

– Скажи это твоей жене, – оборвал его Роджер. – Зажать девять с половиной долларов и навязать вместо них какую-то паршивую тряпку – такого я даже от тебя не ожидал!

Другой, возможно, и смутился бы после столь резкого выпада, но Фрэнку Горману все было нипочем.

– Когда-нибудь, – сказал он, важно задрав свой коротенький нос, – я стану знаменитым писателем, мою книгу купят для экранизации в Голливуде, и ты пожалеешь, что думал обо мне плохо!

– Да неужели? И как же ты мне отомстишь? Не пригласишь меня выпить?

Фрэнк вытаращил глаза и расхохотался так заразительно, что фотографу оставалось только последовать его примеру. Я напустила Фрэнку насчет записки к миссис Серано, и, присев на край моего стола, он тут же написал требуемый текст.

3

Почтовые ящики в холле были выкрашены в бурый цвет, и, хотя я ничего ниоткуда не ждала, я по привычке заглянула в свой ящик. Опять рекламные проспекты – самая нужная вещь для заворачивания кое-каких видов мусора; правда, некоторые норовят печатать на такой плотной бумаге, что в нее даже при всем желании ничего не завернешь. Закрыв ящик, я повернулась и нос к носу столкнулась с миссис Миллер. Она была в своем неизменном темно-синем платье – старые жильцы уверяли, что она носит его уже третий год подряд. На груди была приколотая золотая брошка в стиле модерн, с мелкими изумрудами и рубинами. Миссис Миллер смерила меня взглядом, от которого даже кислое молоко стало бы еще кислее; но даже такой взгляд не мог испортить моего беспричинно хорошего настроения.

– Здравствуйте, миссис Миллер, – сказала я с широкой улыбкой.

– Хм, – буркнула старая ведьма. – Неужели вы его встретили?

– Кого? – удивилась я.

– Мужчину своей мечты, кого же еще, – презрительно ответила миссис Миллер. – И не отрицайте: увяз коготок, увяз! Светитесь так, что спички зажгутся от одного вашего присутствия.

Я набрала воздуха в грудь.

– Миссис Миллер, – выпалила я, стараясь говорить как можно тверже, – вам не кажется, что это вас никоим образом не касается?

– Меня все касается, – сухо отозвалась старая ведьма. – Аборты слишком дорого обходятся, и если вы натворите глупостей, то не сможете в срок заплатить за квартиру.

– Миссис Миллер! – Я вспыхнула.

– Мисс Коротич, я давно за вами наблюдаю, и до сих пор, – хрюкнула эта гадюка в человеческом обличье, – вы не давали поводов для нареканий. У вас есть голова на плечах, и если я так говорю, значит, так оно и есть. Но вы еще слишком молоды, и я советую вам не вестись на сказочки о вечной любви и прочую чушь.

– Между прочим, если вам так хочется знать, – сердито сказала я, – я всего лишь была у портнихи! Заказывала платье!

– Вам не нужно платье, – парировала миссис Миллер. – Ваше лучшее украшение – молодость, оно говорит само за себя. Но смотрите, чтобы оно не обратилось против вас!

Смерив меня на прощание пронизывающим взглядом, она проплыла мимо, а я осталась стоять на месте, бессильно чертыхаясь про себя. Господи, неужели у меня на лице и впрямь написано, что мне понравился Джонни Серано, и это настолько легко понять постороннему человеку?

Я вошла в лифт и попросила старого лифтера поднять меня на третий этаж.

– Что-то миссис Миллер сегодня не в настроении, – не удержалась я, когда он закрыл дверцы и мы остались вдвоем в кабине.

– Она всегда не в настроении, – равнодушно ответил лифтер.

Когда я вышла на своем этаже, из дверей квартиры напротив тотчас выглянула миссис Грей, жена мелкого клерка. На голове у нее красовались огромные бигуди. Миссис Грей славилась своей страстью к сплетням и всегда искренне удивлялась, почему меня не интересуют подробности жизни моих соседей. Я поздоровалась с ней, зашла в свою квартиру и закрыла дверь.

Мое жилище было рассчитано на одного человека и состояло из крошечной кухни, микроскопической ванной и комнаты, совмещавшей спальню, гостиную и все, что угодно – кроме, разумеется, гаража. Кровать, к счастью, была нормальная, не из тех, что поднимаются и убираются в стену. Пишущая машинка занимала треть старого стола. Еще треть делили

кое-какие книги (большинство на русском языке), канцелярские принадлежности, ваза, шкатулочка с разными мелочами и флакончик дешевых духов, потому что дорогие были мне не по карману. Высокий шкаф при прежнем жильце совмещал функции гардероба и помойки, в которую тот совал опустошенные им бутылки из-под джина. При мне шкаф вернулся к своим нормальным обязанностям: я хранила в нем одежду, а наверх закинула коричневый чемодан, в котором в то время могли уместиться почти все мои вещи. На тумбочке стоял телефон, обычный для того времени – без диска, с разделенными микрофоном и наушником. Если вы хотели куда-то позвонить, надо было называть номер телефонистке. В доме, где я жила раньше, телефон был общий и висел на лестничной клетке, что порождало массу неудобств, так что я решила, что в следующий раз сниму квартиру с отдельным аппаратом. Машинисткам никогда не платили много, но я подрабатывала перепечаткой и экономила на всем, на чем только можно, чтобы оплачивать жилье в срок. Окна квартиры выходили не на шумный бульвар, а в тихий двор, что меня более чем устраивало. На крашеных стенах не было ни одной картины, ни одной фотографии – ничего.

Через несколько минут телефон разразился сухим, надтреснутым звоном. Я придвинулась поближе к микрофону и прижала к уху наушник.

– Мисс Коротич? Я вас не побеспокоила? Это миссис Блэйд.

– Нет, вы меня не побеспокоили, – сказала я. – Написали что-нибудь новое?

Миссис Блэйд была унылой особой неопределенного возраста, с серыми волосами и почти без подбородка. Недавно она закончила новый рассказ о любви и хотела, чтобы я переписала его на машинке. Я сказала ей, что жду ее с нетерпением, и повесила трубку.

Рассказ оказался бесцветным, как сама авторша, и приторным, как варенье, в которое положили слишком много сахара. Я стучала по клавишам и от нечего делать размышляла, что заставляет людей сочинять никому не нужные рассказы и вообще заниматься делом, к которому у них нет никакой склонности. Однако миссис Блэйд всегда платила аккуратно, и когда она во вторник вечером пришла за отпечатанным текстом, я вежливо выразила свое восхищение.

Теперь мне хватало денег, чтобы отдать в четверг Розе Серано недостающую сумму, но мне не хотелось ждать. В среду я отпросилась с работы под тем предлогом, что мне срочно надо к дантисту, и поехала к портнихе. Дверь открыл Тони. Завидев меня, он заулыбался и поздоровался так, словно мы были знакомы уже лет десять, не меньше. Широколицый, с живыми темными глазами и большим ртом, который авторши вроде миссис Блэйд норовят назвать «чувственным», Тони, наверное, нравился многим девушкам, но в нем не было изящества его брата. Чем-то он напоминал большую дружелюбную собаку, которая виляет хвостом, встречая в дверях гостя, и, каюсь, я уделяла ему внимания не больше, чем собаке.

– Я насчет платья, – сказала я.

– Мама наверху, – отозвался Тони весело. – Мастерит свадебный наряд для Лучии. – Тут он спохватился и объяснил: – Это невеста Винса, моего старшего брата, он женится в воскресенье. Заходи, мама будет рада тебя видеть.

– Я, наверное, не вовремя... – начала я.

– Да ну, глупости, – перебил Тони. И я вошла в дом.

– Куда теперь? – спросила я, заметив, что в ателье никого нет.

– Иди за мной, – сказал Тони. – Осторожно, на лестнице крутые ступеньки!

И он привел меня в гостиную на втором этаже, посреди которой стояла невысокая девушка, утопающая в море кружев и белого атласа. Роза суежилась вокруг, то прилаживая фату, то добавляя новые детали к подолу.

– Мама, к тебе пришли! – крикнул Тони, распахивая дверь.

– Мы договаривались на завтра, – начала я, – но я решила... Я вам не помешаю?

– Нет, нет, конечно! – воскликнула Роза. – Нам как раз нужно, чтобы кто-нибудь оценил платье. – Лучия потупилась и смущенно хихикнула. – Берите стул и садитесь поудобнее. Тони! Тебе разве нечем заняться в мастерской?

– Я за сигаретами зашел, – ответил Тони. – Забыл их на столе.

Он блеснул глазами в мою сторону и вышел. Лучия вздохнула и переступила с ноги на ногу. Она была смуглая, черноволосая и стройная, как веточка. Не слишком красивая, но обаятельная, с типично итальянскими ресницами в полщеки. Платье, хоть и неоконченное, казалось великолепным, и я поймала себя на том, что немного завидую невесте.

– Не вертись, не вертись, – строго сказала ей Роза по-итальянски.

...Позже я видела, как работают Мадлен Вионне и Шанель³, как они создают, подгоняют и прилаживают платья прямо на моделях, и со всей ответственностью могу заявить, что Роза Серано ничуть им не уступала. Она переставила украшения на подоле, потом взялась за шлейф, потом ей что-то не понравилось в фате, и она схватила ножницы. Не знаю, сколько она возилась в тот раз – час, полтора, – но когда она закончила, платью ее невестки могла позавидовать любая принцесса. Каждая складочка была на своем месте, ничто не цеплялось за фату, ничто не стесняло шаг, ничто не раздражало глаз. Лучия подошла к большому зеркалу в углу, захлопала в ладоши и закружилась на месте. Лицо ее светилось от счастья.

– Неплохо получилось, а? – спросила Роза, улыбаясь.

– Чудесно, просто чудесно! – искренне воскликнула я.

– Я могу забрать платье с собой? – спросила Лучия.

– Да, но не показывай его жениху до свадьбы. Это плохая примета.

Стуча каблучками, Лучия подбежала к Розе и расцеловала ее в обе щеки, после чего скрылась в соседней комнате. Роза убрала ножницы, нитки и прочие швейные принадлежности, после чего стала подбирать с пола обрезки ткани.

– Вот так, – сказала она со вздохом, – растишь детей, а потом оглянуться не успеешь, как они становятся взрослыми и обзаводятся семьей, мамма миа!

И она засмеялась неожиданно молодым смехом. В дверь легонько постучали, и после возгласа Розы «Да-да!» на пороге появился старик лет семидесяти с острым взглядом и брюзгливо поджатым ртом. Вновь прибывший покосился на меня и обратился к Розе по-итальянски:

– Ты уже все? Я сказал Марии, чтобы она готовила спагетти.

– Сколько времени? – рассеянно спросила Роза.

– Уже пять, а мы даже не обедали, потому что ты с самого утра возишься с платьем!

– Между прочим, папа, – возмутилась Роза, – это платье для моей будущей невестки!

– Которая наденет его один раз, после чего засунет в шкаф и забудет о нем. – Судя по всему, отец Розы был с характером, который он стремился проявлять даже тогда, когда лучше было бы промолчать. – Что за девица? – Он кивком головы указал на меня.

– Я для нее шью, а что?

Когда я была маленькой, отец несколько раз вывозил нас с матерью в Италию, где я научилась говорить по-итальянски. Сейчас я была приятно озадачена тем, что помню язык и понимаю почти все, хотя не слышала его много лет и полагала, что успела забыть все, что знала.

– Скажи ей, пусть придет в другой день, – проворчал отец Розы. – Иначе ты будешь до полуночи с ней возиться.

– Лучше сходи в гараж, – спокойно ответила Роза. – Скажи мальчикам, что через полчаса сядем за стол.

– Через десять минут, – поправил вредный старикашка. – Спагетти почти готовы.

³ Мадлен Вионне (1876–1975) и Габриэль Шанель (1883–1971) – французские законодательницы мод.

Он повернулся и, выйдя за дверь, затопал подагрическими ногами вниз по лестнице.

– Поужинаете с нами? – неожиданно предложила Роза, переходя на английский. – А потом я займусь вашим платьем.

Я смутилась и пробормотала, что я не хочу их стеснять... и я даже не знаю... но если она считает, что я им не помешаю...

– Что за вздор, конечно, нет, – сказала Роза. – Вы любите спагетти?

Разумеется, я ответила, что обожаю спагетти, хотя до того была вполне к ним равнодушна; меня скорее соблазняла перспектива оказаться за одним столом с Джонни Серано, который занимал мои мысли. Лучия вышла из соседней комнаты, переодетая в простое, но элегантное бледно-зеленое платье, и Роза тоже пригласила ее на ужин.

За столом нас оказалось восемь человек: Роза, ее отец Луиджи, уже знакомые мне Тони и Джонни, жених Лучии Винс – здоровяк крестьянского телосложения, сама Лучия, подросток со шрамами, откликнувшийся на имя Рэй, и молчаливый Лео – младший из братьев Серано. Я узнала, что Рэй – племянник Розы и что она воспитывает его, потому что он остался круглым сиротой после аварии, в которой шесть лет назад погибли его родители и младшая сестра. В момент столкновения с другой машиной Рэя выбросило через заднее стекло, он сильно порезался осколками, но остался жив.

– Надеюсь, того, кто в вас врезался, нашли, – сказала я.

Рэй поднял на меня глаза, и их выражение мне не понравилось.

– Нет, – коротко ответил он. – Полиция никого не нашла. И даже не искала.

Отец Розы свирепо хмыкнул.

– Что хорошего ждать от полиции, – буркнул он, – когда они застрелили моего зятя. Все полицейские – мерзавцы, да, мерзавцы!

По правде говоря, он употребил куда более сильное слово, и не одно. Лучия поежилась и послала жениху умоляющий взгляд. Он улыбнулся и накрыл своей громадной лапищей ее тоненькую ручку, лежавшую на столе.

– Давайте не будем сегодня об этом, – сказала Роза твердым голосом. – Мой сын скоро женится, не надо портить вечер.

– Кто тут что портит? – вскинулся старик.

– А вы придете на свадьбу? – поинтересовался Тони, поворачиваясь ко мне.

Я сидела за столом между ним и Рэем, и надо сказать, что вопрос застал меня врасплох.

– Но... я даже не знаю... Мы так мало знакомы...

– Приходите, будет весело, – сказал Джонни и улыбнулся. От его улыбки я превратилась в тающую на глазах свечку, начисто лишенную собственной воли.

– Чисто семейное торжество, – добавил Тони. – Человек пятьдесят гостей... да, мама?

– Сорок три, и еще дети, – уточнила Роза. – Конечно, приходите, Тиана. Ничего, что я так вас называю? У вас такое необычное имя...

Я заверила ее, что не имею ничего против Тианы, а когда через минуту меня так назвал Джонни, я почувствовала себя если не на седьмом небе, то уж на шестом точно.

– Значит, мы с Джонни заедем за вами в воскресенье, – сказал Тони.

Джонни кашлянул.

– Я обещал заехать за Мэй, – негромко промолвил он.

Рэй, катавший по столу шарик из хлебного мякиша, метнул на него быстрый взгляд.

– Ничего страшного, – сказал Тони с широкой улыбкой и повернулся ко мне. – Заедем за Мэй, потом за вами и сразу же отправимся в церковь.

«Что еще за Мэй?» – с неудовольствием подумала я, а вслух сказала:

– Если вам неудобно, я подъеду на своей машине. Вы только объясните мне, куда именно, потому что я совсем не знаю ваш район.

– Я же сказал, что мы заедем за вами, – отозвался Тони. – Тем более если вы плохо ориентируетесь.

Его дед насупился.

– Не приставай к девушке, – проворчал он по-итальянски. – Ты же видишь, что совсем ее не интересуешь.

– Кто еще хочет спагетти? – громко спросила Роза. – Винс? Джонни? Лео? Рэй?

– Спасибо, мам, мы наелись, – сказал Винс, нежно пожимая руку невесте, и это «мы» говорило больше, чем иное любовное признание.

Рэй и его кузены тоже отказались от добавки.

– Тогда я скажу Марии, чтобы она принесла кофе, – сказала Роза, поднимаясь с места. – А потом, Тиана, мы спустимся в ателье, и я займусь вашим платьем.

4

На следующий день, улучив свободную минутку, я спустилась в архив нашей газеты, где среди множества шкафов с выдвижными ящиками скучал Питер Уорд, время от времени попыхивая трубочкой. В то время ему было за сорок, он одевался в корректный темный костюм, из верхнего кармана которого выглядывал аккуратно сложенный вишневый платочек в мелкую крапинку, и всем своим видом излучал солидность и спокойствие. При всем при том он бывал порой весьма язвителен, но его колкости никогда не опускались до уровня грубости.

– Добрый день, мистер Уорд, – сказала я. – Мне надо навести кое-какие справки.

– Хочешь узнать, миллион в банке у твоего поклонника или только жалкая сотня долларов? – невинным тоном поинтересовался Уорд, вынимая изо рта трубку, и его глаза за стеклами очков иронически блеснули.

– При чем тут это? Меня Фрэнк попросил, – солгала я.

– Положим, я притворюсь, что верю тебе, – вздохнул Питер, откидываясь на спинку стула. – Кто тебя интересуется?

– Некий Серано, он должен был проходить по отделу уголовной хроники. Кажется, его убили полицейские. Можно узнать за что?

– Серано? Итальянец?

– Так точно. В фамилии одно «р» и одно «н».

– Это вовсе не значит, что она именно так писалась в нашей газете, – хмыкнул Питер, поднимаясь с места. – Подожди, я посмотрю.

Он выдвинул один ящик, затем другой и принялся неторопливо перебирать вырезки. Я села на стул с синей обивкой и стала терпеливо ждать. Стрелка круглых настенных часов, которые висели над дверью, ползла невыносимо медленно. За окнами гудела, грохотала и гремела Мэйн-стрит.

– Так я и думал, – подал голос Питер. – Он подал нищему слишком большую милостыню, за что и поплатился.

– По-вашему, это смешно? – проворчала я.

– Я старался. Бутлегерство, конечно. – Мой собеседник пожал плечами. – Полиция накрыла склад спиртного, бандиты от великого ума стали отстреливаться. Двое были убиты на месте, а Карло Серано тяжело ранен. Его доставили в больницу, где он скончался. Те из членов банды де Марко, кого удалось задержать, получили сроки.

– Кто такой де Марко?

– Джино де Марко. Это слишком крупная рыба, и на суде, само собой, не удалось доказать, что склад принадлежал именно ему.

– А, теперь я вспомнила, о ком речь, – протянула я. – Он вроде как король преступного мира в городе, нет?

– На короля он не тянет, – равнодушно отозвался Питер, убирая вырезки обратно в ящик, – но человек определенно серьезный. Даже чересчур.

– Что за ним числится?

– Как водится, всего понемножку. Торговля спиртным, рэкет, публичные дома, подпольные казино. Еще он любит оперу и подарил несколько скульптур местному музею. Одним словом, разносторонняя личность.

Я немного поразмыслила.

– Скажи, а когда именно был убит Карло Серано?

– В самом начале сухого закона. В 1920 году.

Значит, восемь лет назад. Вчера Роза упоминала, что ее старшему сыну двадцать четыре года. Получается, когда убили отца, Винсу было шестнадцать, а Джонни – и того меньше. Нет, вряд ли они участвовали в его делах. Винс – еще возможно, но Джонни – точно нет.

– А на членов его семьи что-нибудь есть? – не удержалась я.

– Сейчас посмотрим, – флегматично ответил Питер.

Однако, покопавшись в нескольких ящиках, он объявил, что ничего не нашел, если не считать дорожного происшествия шестилетней давности.

– Инженер нефтяной компании Роберто Серано, его жена Элис и дочь Андреа погибли на месте, старший сын, которому было одиннадцать, доставлен в больницу в критическом состоянии. Полиция ведет розыски виновного, который скрылся с места происшествия.

Значит, Рэй отделался не только шрамами: он едва не погиб в результате аварии. Неудивительно, что вчера у него было такое лицо, когда зашла речь о случившемся.

– Спасибо, мистер Уорд, – сказала я. И, вспомнив о придуманной легенде, быстро добавила: – Фрэнк вам будет очень благодарен!

Вернувшись в тот день после работы домой, я некоторое время бесцельно слонялась из угла в угол, как я обычно делала, когда мне нужно было подумать. С одной стороны, мне не могло прийти по душе, что человек, который мне нравился, происходил из семьи бутлегера. С другой – я ведь была у Джонни дома и видела, как он живет и как живут его родные: никаким несправедливым богатством там и близко не пахло. Люди, которых я там встретила, казались вполне обыкновенными, мирными и дружелюбными, и они без всякой задней мысли пригласили меня на свадьбу. То, что случилось с Карло Серано, осталось в прошлом, и это прошлое к тому же никоим образом меня не касается. Я просто побываю на свадьбе у Винса – и, конечно, постараюсь разузнать, что из себя представляет девушка по имени Мэй, к которой неравнодушен Джонни.

Братья Серано заехали за мной в воскресенье раньше, чем я рассчитывала, и я не успела толком уложить волосы. Бежевая юбка и белая блузка, с моей точки зрения, нареканий не вызывали, но вот прическа... И как назло, когда я спустилась вниз и подошла к машине, я увидела девушку, которая уж точно не допускала таких промахов, как я. Востроносенькая, с живыми карими глазами и прической в стиле Клары Боу⁴ – каре с прядями, заходящими клином на щеки, – она вертелась на месте, многозначительно улыбалась Джонни, жевала резинку, хихикала и говорила глупости. Вызывающая шляпка с гроздьём фальшивых вишен, платице в мелкую полоску – какая-нибудь вульгарная продавщица, подумала я, как только увидела незнакомку, но ее поклонник явно так не думал. Я сразу же по его взгляду, по выражению лица поняла, что для него она самая лучшая, и сердце у меня сжалось.

– Тиана, это Мэй, – объявил Тони, одновременно распахивая передо мной дверцу. – Мэй, это Тиана.

– Привет! – весело прочирикала Мэй и продолжила щебетать с Джонни. Они сидели на заднем сиденье, а мне волей-неволей пришлось сесть впереди, рядом с Тони, что отнюдь не улучшило моего настроения. Вспомнив о волосах, я полезла в сумочку, чтобы найти зеркальце.

– Прекрасно выглядите, – сказал Тони.

Я метнула на него подозрительный взгляд, но он, казалось, говорил серьезно. Впрочем, если Тони и лгал, зеркало тоже лгало. Неуложенные до конца локоны переплелись и образовали интересный эффект, и скрепя сердце я признала за ним право на существование – самой собой, после того, как придирчиво осмотрела прическу со всех сторон. Сзади тем временем Мэй рассказала анекдот, хохоча громче всех, потом переключилась на описание жизни

⁴ Клара Боу (1905–1965) – одна из самых популярных американских актрис в конце 20-х годов.

какой-то Пегги, которая была душка, в отличие от Молли, которая уж точно стерва. На очередном перекрестке Тони резко затормозил, и Мэй заверещала, изображая испуг. Джонни обнял ее и притянул к себе, и когда я увидела это, мне захотелось тотчас же выбраться из машины и уйти куда глаза глядят.

– Вы любите танцевать? – спросил Тони.

– Не знаю, – призналась я.

– Что значит – не знаю? – удивился он. – Впервые слышу такой ответ!

– Она хочет сказать, что все зависит от партнера, – подал голос Джонни. – Верно, мисс?

– Вы угадали, – сказала я, оборачиваясь к нему. Но он уже забыл обо мне и, нежно переплетая свои пальцы с пальцами Мэй, смотрел ей в глаза. Ее верхняя губа призывно задралась, она смотрела на него, по-особенному скалясь, и честное слово, если бы тут не было нас с Тони, они бы прямо сейчас занялись любовью.

«Как он может, – сердито думала я, – ведь она старше него, ей лет 25... и вовсе не красавица, вон какой нос... А шляпка? И вообще... Какая-то потрепанная жизнью девица...»

– Приехали! – бодро прокричал Тони и просигналил несколько раз, совершенно оглушив меня.

...Маленькая церковь была набита битком, невеста не шла, а словно плыла в своем чудесном наряде, который создала для нее Роза, и в толпе охали от восторга, завидев подвенечное платье. Как следует рассмотрев гостей, я окончательно перестала думать о том, что Джонни Серано или кто-то из его родных может быть связан с преступностью. Здесь собрался простой трудовой люд – продавцы фруктов, мелкие лавочники, рабочие; праздничная одежда сидела на них немного неуклюже, как она и должна сидеть на мужчинах и женщинах, которые надевают ее лишь несколько раз в году, потому что все остальное время они вынуждены вкалывать от зари до зари. В церкви я стояла между Тони и Рэем, который ради торжества сменил рабочий комбинезон на костюм с галстуком-бабочкой и причесал волосы на идеально ровный боковой пробор, заодно подняв челку со лба, так что стал виден оставленный аварией уродливый шрам. С другой стороны от Рэя стоял одетый с иголки Лео, на которого из-за его молчаливости я раньше обращала меньше всего внимания – как оказалось, зря.

– Кажется, проскочили, – уронил он негромко после того, как священник провозгласил Винса и Лучию мужем и женой.

– Ты это о чем? – довольно сухо спросил Тони.

– Мама, конечно, расстаралась с платьем, – продолжал Лео спокойно, – но еще немного, и стало бы видно, что невеста на третьем месяце.

Тони сделал свирепые глаза и за спинами гостей показал брату кулак. Рэй изо всех сил старался сохранить серьезное лицо, но его так и распирало от смеха.

– Хватит вам препираться, – вмешался Джонни, стоявший вместе с Мэй ближе к проходу. – Лучия хотела стать женой Винса, ее отец не соглашался, тогда они сами все устроили так, что ему все равно пришлось уступить.

– Лучше бы он сразу согласился, – пробормотал Рэй. – Как будто он не знал, что Серано всегда добиваются своего.

Дальше торжества переместились в дом отца Лучии, что было более чем разумно, потому что в домике Розы гости бы точно не поместились. В саду загодя расставили столы, деревья украсили гирляндами, на веранде играл итальянский оркестр. Один за другим пошли тосты за жениха, за невесту, за их счастливую жизнь. Я сидела между Тони, который сообщал мне разные сведения то об одном, то о другом госте, и Джонни, которому приходилось отвлекаться на Мэй. Не привыкшая к таким застольям, которые затягиваются и где лучше пить понемногу, она быстро перебрала и захмелела. В пьяном виде ее вульгарность стала еще более очевидна, чем в трезвом; она несла чушь заплетающимся языком, порыва-

лась встать и спеть что-нибудь, и я уже не раз и не два ловила пристальный взгляд Розы (она сидела на почетном месте возле жениха), обращенный в сторону Мэй, – взгляд, в котором не было ни капли симпатии. Когда Мэй опрокинула на скатерть бокал красного вина, да так удачно, что брызги попали даже на мою блузку, Тони, очевидно, решил, что с него хватит.

– Сделай что-нибудь со своей потаскухой, – зло бросил он Джонни по-итальянски. – Она же совсем не умеет себя вести!

Джонни помрачнел и, дернув щекой, подал мне салфетку, чтобы я вытерла брызги.

– Твое счастье, что здесь мама, – ответил он брату, тоже по-итальянски. – Иначе я бы набил тебе морду.

Мэй не понимала, о чем они говорили, но ей хватило интонации и выражения лиц, чтобы вникнуть в суть происходящего.

– Он что, хочет меня оскорбить? – возмутилась она. – Паршивый макаронник!

– Заткнись, сучка, – огрызнулся Тони, и в следующее мгновение брат кинулся на него. Мэй завизжала. Дерущихся растащили, едва они обменялись первыми ударами. Винс вскочил со своего места во главе стола и подошел к нам.

– Хотя на моей свадьбе... – начал он, сверкая глазами. – Какого черта, Тони!

– А что я? Он первый меня ударил, – с усмешкой ответил Тони, вытирая разбитый рот. – Я ответил.

– Чтобы Джонни кого-то ударил первым – должно быть, ты сильно его достал, – сердито бросил Винс. – Уймись, вы оба! Не портите нам праздник!

– А теперь – танцы! – закричала Лучия, чтобы отвлечь внимание гостей от неприятного инцидента. – Танцуют все!

Она увлекла мужа танцевать. Мэй вцепилась в Джонни, требуя сказать ей, не сильно ли он пострадал, и, когда он раз десять повторил, что с ним все в порядке, захныкала, что ей тут не нравится.

– Убери ее отсюда, – сказал Тони.

– Тебе что, мало? – воинственно спросил Джонни. Но тут к ним подошла Роза, и братья потупились, как нашкодившие мальчишки.

– Что – здесь – происходит? – промолвила она по-итальянски таким голосом, что у меня кровь застыла в жилах.

Схватив свою сумочку, я шагнула прочь – так поспешно, что чуть не споткнулась. Кто-то подхватил меня под локоть. Распрямившись, я увидела улыбающееся лицо Рэя Серано.

– Разрешите пригласить вас на танец? – спросил он.

5

Я станцевала с ним три или четыре танца подряд – не потому, что он меня как-то интересовал (я считала его подростком, то есть, в сущности, ребенком), а потому, что надеялась кое-что у него выведать. У меня не хватило духу на прямые расспросы о том, что меня волновало больше всего, и я начала издали. Красивый дом, сад с апельсиновыми деревьями, прекрасное угощение – судя по всему, у тестя Винса водятся деньги?

Рэй ответил, что мистер Верде не то чтобы богат, но в их районе считается достаточно обеспеченным. Ему принадлежит пекарня, он продает хлеб, пиццу и пирожки, и дела идут неплохо. У Верде с женой только двое детей, Пол и Лучия. Вообще-то он хотел бы для дочери более перспективного жениха, но Лучия не желала слышать ни о ком, кроме Винса. Роза тоже была недовольна выбором сына, но уже по другой причине: даже если бы ее сын объявил, что женится на царице Савской, Роза бы все равно осталась недовольна.

– Такая уж она, – улыбнулся Рэй.

– Наверное, у Винса было много девушек? – продолжала я. – А у Тони? А что насчет Джонни? Давно он с Мэй? Где она работает? Вообще такое впечатление, что у них все серьезно...

– У Винса были какие-то интрижки, но как только он встретил Лучию, все само собой сошло на нет. Тони – живчик, забияка, девушки его всегда обожали. Джонни, напротив, милый, спокойный, домашний. Мамин любимец, но по части девушек мог бы легко обойти Тони, если бы захотел. Другое дело, что его не интересуют те девушки, которых выбирает не он сам.

– А Мэй...

– Кажется, она продает билеты в кинотеатре. Да, точно, она билетерша. Джонни пошел в кино и так с ней познакомился.

– Давно они вместе?

– Полгода, если не больше.

– А у тебя есть девушка? – спросила я, чтобы закруглить тему.

Рэй смешался.

– Я...

Честное слово, он покраснел. Да, господа присяжные заседатели, вот этот самый Рэй Серано, который впоследствии... – а впрочем, к черту последствия. Пока есть только тень апельсиновых деревьев, моя рука на его плече, мелодия танца, растворяющаяся в воздухе, и серо-голубые глаза моего партнера, которые становятся колючими и холодными, как лед, потому что к нам только что приблизился Тони и он явно недоволен.

– Тиана, я смотрю, он вас захватил?

– Мы просто беседовали. – Я мило улыбаюсь, чтобы сгладить неловкую ситуацию.

– Со мной тоже можно беседовать, – многозначительно шепчет Тони. Пока я лихо радочно подыскиваю в уме ответ, который, возможно, позволит избежать второй драки за вечер, Лео рассекает толпу танцующих и быстрым шагом подходит к нам.

– «Роллс-Ройс» здесь, – бросает он.

– Какой еще «Роллс-Ройс»? – непонимающе спрашивает Тони.

– Тот самый, – коротко отвечает Лео.

– Твою же мать...

Тони засунул руки в карманы, набычился, стиснул челюсти. Я готова была поклясться, что его руки в карманах сжаты в кулаки.

– Ты сказал Винсу? – быстро спросил Рэй у Лео.

– Я решил сначала вам сказать.

– Предупреди Джонни, а я пойду к Винсу, – распорядился Тони, обращаясь к Лео. – А, черт, мама и дедушка еще не знают... Шрам, я к ним, а ты к Винсу. Нельзя, чтобы эта сволочь застала нас врасплох!

Он поспешил к матери, которая беседовала со своим отцом и раскрасневшимся от вина и духоты дородным хозяином дома. Рэй подошел к Винсу, который все еще танцевал с женой. Не знаю зачем, я пошла за ним.

– Здесь Джино де Марко, – сказал Рэй негромко.

Винс нахмурился, сбился с шага. Лучия встревоженно смотрела на него.

– Мы его не приглашали, – мрачно проговорил жених. – Что он о себе возомнил?

– Винс, – умоляюще шепнула Лучия, – будь осторожен. Не надо ссориться!

– Никто не собирается ссориться, – отрезал он. – Ступай к маме. Я разберусь.

Ресницы Лучии затрепетали, выдавая ее волнение. Подхватив шлейф и нагнув голову, она вышла из круга танцующих, а Винс двинулся навстречу человеку, который только что появился в саду. На вид незваному гостю было лет сорок пять. Лицо широковатое, челюсть тяжелая, и когда он скалится, видно, что зубы крупные, редко посаженные, так что заметны щели между ними. Темно-серый костюм в тончайшую светлую полоску, из кармашка выглядывает треугольник идеально белого платка, ботинки начищены так, что в них можно смотреться как в зеркало, и любая голливудская звезда мужского пола отдаст душу за умение носить шляпу с таким небрежным шиком. В бутоньерке – роскошная орхидея, которую явно выбирали очень придирчиво. Троица, сопровождающая де Марко под сень апельсиновых деревьев сада мистера Верде, по сравнению с патроном выглядела бледными тенями и уж точно проигрывала ему в классе. Впрочем, шестерки потому и являются шестерками, что им никогда не дорасти до тузов.

Появление Джино де Марко на семейном празднике произвело нечто вроде фурора, сдобренного изрядной долей опаски. Со всех сторон его приветствовали по-итальянски и по-английски. Музыканты перестали играть. Тем временем Винс приблизился к незваному гостю почти вплотную, а по пути к жениху присоединились и его братья. Получалось, что с одной стороны оказались Джино де Марко и трое его головорезов, а с другой – четверо братьев Серано и их кузен. Я осталась в толпе гостей, откуда проще было наблюдать семью, сплотившуюся перед лицом угрозы – а в том, что это именно угроза, я ни мгновения не сомневалась.

– А вот и жених, – сказал Джино де Марко, словно только что его увидел. – Рад тебя видеть, Винс, хоть ты и забыл о старом друге твоего отца, настолько забыл, что даже не пригласил его на свадьбу. Разумеется, я не в обиде – ведь у тебя наверняка было столько дел, столько дел! От души поздравляю тебя с женитьбой. – И, говоря, он достал из кармана ключи от машины, которыми небрежно помахал в воздухе. – Это мой подарок тебе и твоей прекрасной жене.

– Мне ничего не нужно от вас, – сказал Винс, неприятно напирая на последние слова. – И я ничего от вас не приму.

– Винс, Винс, мы же взрослые люди, – укоризненно покачал головой Джино. – Я знаю, ты сердишься на меня, потому что считаешь, что я виноват в смерти твоего отца. Почему бы нам не поговорить об этом, как полагается разумным взрослым людям? С глазу на глаз, в любое удобное для тебя время. Ты выслушаешь меня, я выслушаю тебя, мы побеседуем и к чему-нибудь придем... А пока – зачем нам ссориться? Ты только что женился, я зашел тебя поздравить, вот и все... Возьми ключи, машина стоит на улице. Держу пари, раньше ты на такой не ездил!

Винс вспыхнул и, судя по всему, готов был сказать незваному гостю какую-то дерзость, но вмешался его тесть, пухлолицый господин с объемистым брюшком и лицом любителя хорошо поесть. Елейным голосом он поблагодарил де Марко, забрал ключи, взглядом

призывая зятя и его буйных братьев не осложнять ситуацию, и велел слугам поставить для нового гостя особый стол.

– Что вы, синьор Верде, – ответил де Марко, улыбаясь сердечнейшим образом, – не стоит. Гуляйте, веселитесь, я сам найду себе место. Музыканты! Эй, музыканты! Вы что притихли? Свадьба все-таки! Играйте!

И музыканты заиграли, и пары снова потянулись танцевать – но есть большая разница между искренним, ненаигранным весельем и попыткой расслабиться, когда известно, что где-то поблизости бродит голодный крокодил. Всем было неловко, все чувствовали себя не в своей тарелке, а виновник этого отошел к Розе Серано, которая стояла в своем платье шоколадного цвета с золотыми нитями рядом с отцом, который невозмутимо рассматривал на свет белое вино в своем бокале.

– Здравствуй, Луиджи, – сказал Джино. – Рад тебя видеть, Роза.

Она бросила на него безразличный взгляд и отвернулась.

– Я тоже была бы рада тебя видеть, – уронила она. – В гробу.

Но Джино де Марко явно не принадлежал к людям, которых можно пронять подобными заявлениями.

– Роза, дорогая, ты же знаешь, что я готов оказать тебе любую услугу, – сказал он, усмехаясь. – Кроме этой.

Я бы послушала и дальше, как они будут пикироваться, но меня отвлек Джонни. Он спросил, не знаю ли я, где Лучия: ее нигде не видно, и Винсу это не нравится.

– Схожу посмотрю в доме, – сказала я.

Я нашла Лучию в ее спальне: она лежала ничком на кровати, спрятав голову под подушку. Мне пришлось потрогать невесту за плечо, чтобы она обратила на меня внимание. Лучия подскочила на месте и дико уставилась на меня.

– Вас ищет муж, – сказала я.

– С ним все в порядке? – Она не на шутку разволновалась, на ее глазах выступили слезы. – Господи, какая я трусиха! Как же я испугалась...

– Все хорошо, – сказала я, – никто не пострадал. А почему вы так испугались?

– Вы разве не знаете? – Повозившись, Лучия села на кровати и стала поправлять прическу. – Джино когда-то ухаживал за Розой, но она все равно вышла за Карло Серано. Потом Джино стал большим человеком. А потом Карло умер.

– И Джино каким-то образом к этому причастен?

– Он втянул Карло в свои дела, – сказала Лучия. Достав баночку с помадой, она принялась заново подкрашивать губы. – Незадолго до того Анджело Торре и его сообщники переоделись полицейскими, совершили налет на склад Джино и расстреляли его людей. После этого случая Джино сказал своим людям: если увидите полицейских, стреляйте. А потом склад, на котором находился Карло, накрыла полиция. Настоящая полиция, но люди, которые были внутри, стали отстреливаться. Многие считают, что в полиции узнали о складе, потому что Джино так захотел.

– Но ведь получается, что он сам попал под удар, – сказала я. – И потерял деньги.

– То-то и оно, что он почти ничего не потерял, – покачала головой Лучия. – За день до того, как склад накрыла полиция, большую часть спиртного зачем-то вывезли. Конечно, Джино все подстроил. По крайней мере, Винс и его братья так считают... Скажи, как я выгляжу?

Я заверила ее, что прекрасно, и мы вышли из спальни и спустились вниз.

Праздник дал трещину. Я танцевала с Тони, с братом невесты – шумным глуповатым Полом Верде, еще с кем-то из гостей, но на самом деле хотела только одного: чтобы этот утомительный день поскорее закончился. Мэй совсем развезло, и Джонни увел ее в дом. Извинившись, я оставила Пола, который к тому же успел несколько раз наступить мне во

время танца на ноги, и пошла следом за ними. Джонни стоял возле ванной комнаты, и, судя по доносящимся оттуда звукам, Мэй немилосердно тошнило.

– Я могу чем-нибудь помочь? – спросила я.

– Принесите теплой воды, если вам не трудно, – попросил Джонни.

Если вам что-то позарез нужно, само собой, вы ни за что это не найдете. В конце концов на кухне сыскалось немного кипяченой воды. Повариха налила ее в кружку, и я поспешила обратно. Когда я проходила мимо одной из гостиных, расположенных на первом этаже, мое внимание привлекли голоса, доносящиеся из-за неплотно притворенной двери. Разговор шел по-итальянски, и машинально я замедлила шаг.

– Мне нужны верные люди, – говорил де Марко. – Я хорошо отношусь к тебе, Винс, и к тебе, Тони. Я знаю, что вам сумели внушить превратное мнение обо мне – что будто бы я имею отношение к смерти вашего отца, но это неправда. Я готов поклясться чем угодно, что я не желал ему зла.

– Я вам не верю, – промолвил Тони неприятным, напряженным голосом.

– Как и я, – вторил ему старший брат.

– Вот как? И что же я приобрел после смерти вашего отца? Ну же, не стесняйтесь, говорите! – Судя по голосу, де Марко начал раздражаться. – Меня затащили по судам, я потерял своих людей, я потерял товар... надо продолжать? Сколько я могу повторять – мы с Карло были друзьями. Ваша мать сделала свой выбор, я его уважаю. Тут не о чем говорить... Признаться, Винс, твоя свадьба отчасти стала для меня сюрпризом. Когда-то я мечтал, чтобы ты и моя Флора были вместе, и мы даже обсуждали это с твоим отцом. Вы с ней были бы прекрасной парой.

Винс аж поперхнулся от такого предположения.

– Я и ваша дочь – никогда! Как вам в голову могло прийти такое? – возмутился он.

– А ему ничего такого в голову и не приходило, – заметил Тони, и я словно воочию увидела, как он улыбается. – Что, сильно вас Анджело Торре потрепал, раз вы сюда заявились?

– Уже слышал? – спросил де Марко после паузы.

– Конечно. Кривой вас теснит, а он парень настырный. Чтобы с ним справиться, тех сил, которые у вас есть, маловато. Поэтому мы вам и понадобились, верно?

– Сообразительный ты парень, Тони, – хмыкнул де Марко. – Люблю таких. Да, мне нужны люди, чтобы дать отпор Кривому. И я готов предоставить шанс тебе и твоим братьям. Подумай как следует, Тони. Услуги, оказанные именно тогда, когда они нужнее всего, ценятся вдвое дороже. Другого такого шанса может и не быть.

– Боюсь, вы не понимаете, синьор де Марко, – медленно проговорил Винс. – Когда я узнал, в какую больницу отвезли отца, я поспешил туда и успел с ним поговорить. Умирая, он взял с меня обещание, что я никогда не буду иметь с вами дела. Понимаете, синьор? Я дал клятву отцу на его смертном одре. И я ее не нарушу.

– Значит, вот так? – проговорил де Марко.

Послышался шум отодвигаемого стула или кресла – он поднялся на ноги. Не желая, чтобы меня застали подслушивающей у дверей, я тихонько ускользнула и вернулась к Джонни и Мэй. Он сидел на диване, она лежала на боку, положив голову ему на колени, и он гладил ее по волосам.

– Еле нашла воду, – сказала я. – Наверное, она больше не нужна?

– Со мной все в порядке, – сказала Мэй. – Это чертов гастрит. Мне один доктор талдычил, что диета нужна и все в таком духе. – Она беззлобно хохотнула. – У меня в детстве такая диета была, ему и не снилась. От нищеты мы с мамкой и сестрами что только не жрали...

Джонни наклонился и поцеловал ее в уголок рта. Мэй умолкла и заулыбалась, глядя на него, как кошка на миску со сметаной. Я пошла в ванную комнату и вылила воду из кружки в раковину.

6

Откровенно говоря, здесь мне хотелось бы поставить точку и размашисто написать «КОНЕЦ», как всегда писала в своих нетленках миссис Блэйд. Змей явился в райский сад, поманил отравленным яблоком, но получил в ответ категорическое «нет» и уполз обратно в свою нору. Никто не станет гангстером, никто не польстится на легкие деньги, мама Роза по-прежнему будет создавать чудесную одежду из ничего, старший сын будет торговать хлебом и пищей, как его тесть, а трое младших сыновей и Рэй – честно вкалывать в гараже. Идиллия. Гармония. Финал.

Что же касается Мэй, то разве мало вы видели любовных интрижек, которые заканчиваются расставанием? И, само собой, как только она исчезнет из жизни Джонни, ему будет гораздо легче обратить внимание на какую-нибудь другую девушку – например, на меня.

Данное соображение имело два последствия: во-первых, я под разными предлогами зачастила в дом к Розе. К своей работе она относилась серьезно и придирчиво изучала модели во французских модных журналах, которые удавалось достать. Так как я знала французский, то могла переводить ей пояснения по поводу использовавшихся тканей и прочие нюансы, имеющие значение при создании того или иного платья. Кроме того, я обсуждала с Розой мой гардероб (довольно скудный, по правде говоря) и выслушивала ее мнение по поводу того, что мне пойдет, а что нет.

Во-вторых, я подстриглась. Раньше у меня были темно-русые волосы ниже плеч, но благодаря безымянному парикмахеру с Девятой улицы я обзавелась каре почти как у Клары Боу. Поглядев наутро в зеркало, я себя возненавидела и, чтобы скрыть свое малодушное стремление походить на Мэй, стала подвигать волосы.

– Господи! – воскликнул в ужасе Тони, когда через несколько дней я снова наведальась в гости к Розе. – Что вы с собой сделали?

– Большое спасибо за комплимент, – сказала я, надувшись.

– Не слушайте его, – вмешался Рэй. – Вам очень идет, честное слово! Вы похожи на кинозвезду.

(Замечу в скобках, что это был первый раз в моей жизни, когда человек сказал мне, что я похожа на актрису.)

– Подлиза, – поддел его Джонни, но с его чудесной улыбкой даже такая шпилька не казалась обидной.

– Тиана гораздо лучше любой звезды, – объявил Тони.

– Ну и кто из нас подлиза? – хмыкнул Рэй.

– Заткнись, Шрам.

– Опять начинается, – проворчал Джонни. – Сделайте одолжение, заткнитесь оба! От вас слишком много шума.

Во время этой перепалки Лео сидел в углу, читая журнал. Не могу сказать, что я обращала много внимания на младшего из братьев Серано. Он казался молчаливым и замкнутым, и выводы из этого можно было делать какие угодно – что он себе на уме, что более яркие старшие братья действуют ему на нервы или что он просто застенчив. Оказавшись поблизости, я машинально посмотрела, что именно он читает. Это была статья об Огюсте Ренуаре.

В тот день Роза была занята другими клиентками, и нам с ней не удалось пообщаться, но ее сыновья настояли, чтобы я осталась на ужин. Я хотела отказаться – мне было ясно, что, несмотря на все мои усилия, Джонни по-прежнему ко мне равнодушен, а равнодушен скорее Тони, который мне безразличен, но уйти мне не дали. Во время ужина кто-то просигналил на улице. Тони подошел к окну, чтобы посмотреть, кто это.

– В чем дело? – спросил отец Розы, который тоже сидел за столом.

– Ни в чем, – быстро ответил Тони и, прихватив ключи от автомастерской, вышел.

Через несколько минут он вернулся в сопровождении Винса. Тот изо всех сил старался держаться независимо, но при взгляде на него почему-то возникала только одна ассоциация: побитый пес.

– Добрый вечер, мама, здравствуй, дедушка, – промолвил Винс неловко. – Привет всем. Э... здравствуйте, мисс.

Луиджи нахмурился. Роза посмотрела на виноватое лицо сына и рывком поднялась с места.

– Принесу еще одну тарелку, – сказала она.

– Что за дела? – проворчал ее упрямый отец. – Ты должен ужинать вместе с женой в вашем новом доме, нет?

– Ее все время тошнит, – буркнул Винс, придвигая к столу стул для себя. Тони потеснился, чтобы уступить ему место, мать поставила тарелку и новый прибор. – А когда не тошнит, – продолжал Винс, – она то рыдает, то кидается на меня по всякому поводу. Ее отец способен говорить только о своей пекарне и о том, сколько чего надо класть в хорошее тесто. – Он скривился. – Да, я там пригнал машину, которую Джино подарил нам на свадьбу. Поставил ее в гараж. Машина отличная, но не могу я на ней ездить, душа не лежит. Как вспомню, как умирал отец... – Он резко оборвал себя, дернул щекой.

– Машину можно продать, – сказал Рэй.

– Если машина хорошая, зачем ее продавать? – вполне резонно возразил Джонни.

– Джино не понравится, если вы избавитесь от его подарка, – проворчал отец Розы.

– Плевать на машину, – резко сказала Роза. – Потом решим, что с ней делать. – Она обернулась к старшему сыну, сверкая глазами. – Меня куда больше беспокоит то, что и двух месяцев не прошло после свадьбы, а ты уже бегаешь от жены.

– Никуда я не бегаю, – довольно вяло возразил Винс. – Просто... просто достало меня все. Иногда представляю себе, что всю жизнь придется заниматься этой чертовой пекарней, и повеситься хочется.

Отец Розы насупился, шевельнул седыми кустистыми бровями.

– Помню, когда я приехал в Америку, у меня была только та одежда, что на мне, – насмешливо произнес он своим скрипучим старческим голосом. – И ничего, не пропал. Раскисли вы, вот что я скажу. Пекарня ему, видите ли, не нравится... Да это самый лучший бизнес, какой только может быть! Во все времена люди хотят есть...

– Самый лучший бизнес в наше время – торговать спиртным, – заметил Рэй, и в его тоне мне почудилась жальная ирония, странная для парня его возраста. Он сидел в своей красной клетчатой рубашке, которую обычно надевал вне гаража, и улыбнулся, встретив мой взгляд.

– Ага, скажи это силачу Марио, – бросил Винс в ответ на его слова.

– Это который с Анджело работает? – подал голос Лео. – А что с ним не так?

– Люди Джино его пришили. Сегодня как раз при Поле выловили труп из гавани. Пол слышал, как доктор сказал – восемь пуль, не меньше.

– Без Марио Анджело придется туго, – хмыкнул Тони. – Как же он попался?

– Да вот так как-то. Говорят, его сдала любовница, которую он бросил. Заманила куда надо, а там его уже поджидали.

– Тогда он совсем дурак, если влип из-за бабы, – заметил Тони. – Жаль, я его за умного держал.

– А что ей будет теперь? – не удержалась я. – Анджело ее убьет?

– А толку? – повел своими могучими плечами Винс. – Марио это все равно не вернет, да еще фараоны к Анджело прицепятся. Не, ну я, конечно, не знаю, как Анджело решит...

– Как, как – да как обычно, – проворчал отец Розы. – Пойдет туда, где его будут видеть сто человек, а тем временем его люди разберутся с бабой. Такие вещи спускать нельзя, тем более что Анджело на сестре Марио женат.

– Да они уже давно врозь живут, – сказал Джонни. – У Анджело то одна подружка, то другая, он их меняет как перчатки.

– Семья – это семья, а все остальное – это все остальное, – упрямо возразил старик. – И уж будь спокоен, Анджело отлично это известно.

– У него просто времени не хватит. Ему надо с де Марко разобраться, – решительно ответил Тони.

– Мы можем поужинать, не говоря о де Марко, об Анджело Торре и прочей дряни? – резко спросила Роза, в раздражении швыряя вилку на тарелку. Чувствуется, что, если бы не мое присутствие, вместо последнего слова прозвучало бы что-нибудь гораздо более жесткое. – Опять я должна слушать о де Марко! В собственном доме! Как будто нет других тем...

Ее сыновья переглянулись и как по команде уставились в свои тарелки. Один только Рэй улыбнулся, прежде чем опустить голову, и в его улыбке мне почудилось нечто вроде презрения. (Или же я домыслила его сейчас, когда пишу эти строки, потому что знаю, что случилось потом?)

– Как скажешь, дорогая, – спокойно промолвил отец Розы. – Только не надо кричать.

В следующее мгновение все услышали, как в соседней комнате зазвонил телефон. Винс нахмурился.

– Наверное, это Лучия меня ищет, – сказал он.

– Хочешь, я могу сказать, что тебя тут нет, – предложила Роза, поднимаясь с места. Судя по ее тону, сама она не видела в своем предложении ничего особенного.

– Нет, не стоит. Скажи ей, что я скоро вернусь.

Роза вышла. Старик поглядел на Винса, качая головой, и вздохнул.

– Жалеешь? – проницательно спросил он.

– Ни о чем я не жалею, – отрезал Винс. – Лучия хорошая, у нас все наладится. Просто сейчас трудное время, вот и все.

– Когда наш терпеливый Винс говорит «трудное время», – ввернул Тони, блестя глазами, – это обычно означает конец света.

– Остряк! – буркнул старший брат. И первым из сидящих за столом рассмеялся – немного нервным, спотыкающимся смехом, в котором все же чувствовалось облегчение оттого, что Винс находится среди своих, и даже если кто-то пытается над ним пошутить, его на самом деле хотят таким образом приободрить.

7

Мне казалось, что я стала в доме Розы своим человеком, но теперь, когда я приобрела кое-какой опыт и лучше знаю людей, я понимаю, что дело было совсем в другом. Роза не любила Мэй и не одобряла увлечение своего сына. Мэй была не итальянка, не католичка, следовательно, чужая; с неизвестным числом любовников в прошлом, старше Джонни на несколько лет, стало быть, совсем ему не пара. На ее фоне даже наивная машинисточка из городской газеты казалась более предпочтительным вариантом. Глаза у Розы были зоркие, и она, конечно, сразу же поняла, что я влюблена в Джонни. С ее точки зрения, я вполне подходила на то, чтобы отвлечь сына от его пассии. Я не знаю в подробностях – и теперь, наверное, уже никогда не узнаю, как именно Роза взялась за дело, какие намеки она роняла Джонни в мое отсутствие и сколько усилий приложила, чтобы ослабить его привязанность к Мэй.

– Сходите в кино, развейтесь, – к примеру, говорила она и выдавала нам билеты на очередной громкий фильм, которыми будто бы снабдила ее одна из клиенток; и само собой, что кинотеатр был вовсе не тот, где работала Мэй, а время сеансов подбиралось так, чтобы она не могла к нам присоединиться. Чаще всего билетов было четыре или пять – для холостых братьев Серано, их кузена и меня. Два билета создали бы у Джонни впечатление, что его к чему-то подталкивают; большая компания не давала ему шансов отвертеться. Потом вместо обычных четырех-пяти билетов у Розы на руках оказались только три: на этот раз в кино отправились Джонни, Лео и я. Перед сеансом Джонни извинился и куда-то отошел, так что я осталась наедине с Лео. По своей привычке он долго молчал, а потом внезапно изумил меня вопросом, хорошо ли я знаю русское искусство.

– Ну, кое-что я о нем знаю, – протянула я, пытаюсь сообразить, куда он клонит. – А что?

Лео замялся и спросил, что мне известно о художнике по имени Врубел. Я честно ответила, что никогда о таком не слышала. И тут меня осенило.

– Как пишется его фамилия?

Получив ответ, я с облегчением выдохнула.

– Он не Врубел, а Врубель... Моя мама знала его жену и бывала в их доме. Очень хороший художник.

– А его странная картина, где женщина в перьях, – это что такое? – спросил Лео.

Я объяснила, кто такая Царевна Лебедь, заодно рассказав о Пушкине, его сказках и русском фольклоре.

– Хорошо быть художником, – сказал Лео. И, поколебавшись, выпалил: – Я люблю рисовать. Всегда любил. Я читаю все, что нахожу, об искусстве. Я многого еще не знаю, но мне кажется, я понимаю, что прекрасно, а что нет. А от мастерской меня тошнит, хотя я этого не показываю.

Внешне Лео чем-то напоминал воробышка – худенький, серьезный, с хохолком непокорных волос на макушке и мелкими чертами лица. Он говорил сбивчиво, отрывисто, и его волнение тронуло меня. Чувствовалось, что ему некому излить душу и что его признание получилось незапланированным, почти случайным. Я легонько дотронулась до его руки.

– Если все так серьезно, – заметила я, – тебе надо учиться.

Лео вздохнул.

– Обучение стоит денег. Откуда у нас лишние деньги? – Он встряхнулся и умоляюще покосился на меня. – Вы ведь никому не скажете, о чем мы говорили?

– Не скажу, если ты так хочешь. Как-нибудь покажешь свои рисунки?

– Хорошо. Когда никого поблизости не будет.

Мне стало его жаль. Понимаете, я считала, что у него хорошая семья, а по всему выходило, что он относился к родным как к обузе, потому что они ничем не могли ему помочь – и, конечно, не могли разделить его стремлений.

– Интересно, почему Джонни так долго нет, – сказала я, оглядываясь.

– Он позвонил Мэй из мастерской. Она должна подойти сюда. – Лео испытующе посмотрел на меня. – Он ведь вам нравится?

– Может быть, – ответила я неопределенно. По правде говоря, у меня не было ни малейшего желания обсуждать с Лео, что я чувствую к его брату.

– Он хорошо к вам относится. Правда-правда. Но вот к Мэй он относится совсем по-другому. Не знаю почему, – добавил Лео рассудительно. – У нее возле рта грубые морщины, когда она смеется...

Черт, да у него действительно был глаз художника. Я сразу же вспомнила морщины, которые он упоминал.

– Вчера за завтраком зашел разговор о том, что теперь, когда Винс женат, настала очередь Тони подумать о браке. И Джонни спросил у мамы, как бы в шутку, что будет, если он опередит Тони. Согласится ли она принять его жену?

Странно стоять и чувствовать, как в твоём сердце словно провернули мягкий нож. И пусть этот нож воображаемый и боль, причиняемая им, чисто моральная, – я никогда не забуду то ощущение жуткого, всепоглощающего бессилия. Ты дрожишь, стиснув сумочку до боли в ладонях, вокруг крикливые афиши с лицами кинозвезд, проходят какие-то люди, как тени, и предательская струйка пота стекает под шляпкой, щекоча висок.

Кажется, я все же нашла в себе силы пробормотать:

– Что ей мешает согласиться? Мэй – хорошая девушка...

Ужасная девушка, и даже имя у нее ужасное⁵. Май, Июнь... Тьфу! Еще бы Октябрем назвали, право слово. Впрочем, в далекой стране, которая при иных обстоятельствах была бы моей, говорят, в ходу имя Октябрина – в честь революции, которая по старому календарю случилась в октябре.

– Наша мама умеет держать лицо, – задумчиво промолвил Лео. – Но тут даже ее проняло. Она заговорила о том, что вот, Винс женился, а теперь ему плохо и он места себе не находит. Что надо подходить к выбору супруга с ответственностью...

– Мы не опоздали? – к нам подошел Джонни, на локте которого повисла Мэй. Ее лицо сияло оживлением, губы были ярко накрашены, ресницы – явно фальшивые – казались густыми и черными, как ночь. Короткое пальто бутылочного цвета дополнял пестрый шейный платок и легкомысленно сдвинутый на ухо черный берет.

– Я взял еще один билет, – добавил Джонни.

И опять этот влюбленный взгляд, устремленный на Мэй и словно отсекающий их двоих от остального мира. Меня охватила злость. Я чуть было не ляпнула – могли бы не трудиться, забрали бы мой билет и выпроводили меня из кинотеатра. Все равно я тут лишняя, еще более лишняя, чем Лео со своими несбыточными мечтами о искусстве.

– А фильм-то говорящий, – сказала Мэй. – Обожаю кино со звуком!

То было самое начало эпохи, когда движущиеся на экране картинки обогатились речью, музыкой и всевозможными шумами, что в конечном счете повлекло за собой огромные перемены в киноязыке. Сейчас, конечно, странно вспоминать тогдашние дискуссии между теми, кто воспринимал кино исключительно по старинке, и теми, кто сразу же понял, какие возможности открывает звук. Что касается меня, то, боюсь, я не придавала происходящим на моих глазах переменам никакого значения. Отчасти тут сказывалось влияние моей матери, которая, как и многие театральные актеры, невысоко ставила кинематограф, и все

⁵ Имя Мэй (May) по-английски произносится как «май».

успехи Голливуда не могли заставить ее изменить свою точку зрения. Живя в городе, один процент населения которого работает в киноиндустрии, а остальные девяносто девять мечтают туда попасть, я оставалась равнодушной к кино и к сопровождающей его шумихе. Я не вешала на стену портреты звезд, не стремилась подражать нарядам актрис и даже не давала себе труда запоминать имена тех, кто находился на пике славы. Бывало, я смеялась во время просмотра, случалось мне и всплакнуть, но я ни на мгновение не забывала, что передо мной иллюзия и что моими чувствами более или менее успешно пытаются манипулировать. Возможно, сказывалось и то, что на мое детство выпала одна из самых страшных гражданских войн в истории – российская. Мне слишком рано пришлось столкнуться с тем, что такое отчаяние, потери, скитания, и оттого вымышленные страдания, которые я видела на экране, не действовали на меня так, как они действовали на обычных людей, не знавших, что такое попасть между жерновами двух миров. Выйдя из кинотеатра, я почти тотчас же забывала увиденное, и горячность, с которой другие зрители были готовы часами обсуждать выдуманных людей и происходящие с ними события, вызывала у меня скрытое чувство протеста.

Конечно, Мэй принадлежала именно к тому типу зрителей, от которого я была бесконечно далека. Все, что происходило на экране, вызывало поток живейших комментариев с ее стороны, и все она принимала за чистую монету. Она дергала Джонни за рукав, хватала меня за руку, громко хохотала в смешных местах, а в самый чувствительный момент полезла за платком и опрокинула на пол сумочку, после чего стала вслепую подбирать рассыпавшиеся под ногами мелочи. Но ей не хотелось пропускать происходящее на экране, и она громким шепотом потребовала от нас пересказывать ей, кто куда пошел и что вообще происходит. Сидящие по соседству зрители начали возмущаться, и Мэй, обрадовавшись тому, что ей подали повод, смачно их обругала. Наконец пытка завершилась, в зале зажегся свет, Мэй подобрала последние мелочи и проверила, все ли в сумочке на месте.

– Нет, ну как она ему сказала, а? – трещала она, когда Джонни вез нас обратно в машине, которую Винсу подарил Джино де Марко и которую Винс сплавил братьям. – Мне прям понравилось, как она поставила его на место! Отличный фильм, я бы и второй раз на него пошла... А ты, подруга, что молчишь?

– Устала, – коротко ответила я. – Завтра рано вставать.

«Какая я тебе подруга? Тоже мне, подругу нашла...»

– Устала она, – передразнила меня Мэй, сощутив бесстыжие серые глаза, и расхохоталась. – От чего ты устала – кавалеров перебирать? Мало ей Тони и этого, исполосованного, теперь и за Лео взялась...

– Ну, знаешь ли! – возмутилась я. – Что ты несешь вообще?

– Ой, да ладно тебе выделываться! Можно подумать, я не видала таких, как ты – которые ходят, задрав нос, словно они по жизни самый главный подарок... И ведь находятся мужики, которые на это покупаются! – обидчиво добавила она.

– Джонни, ей-богу, я ничего не понимаю, – объявила я, поворачиваясь к нему. – Скажи, я что, действительно произвожу такое впечатление? Будто я заигрываю с Тони, с Рэем, а теперь еще, оказывается, и с Лео!

Джонни смутился. Бедняга Лео, судя по его лицу, не знал, куда деться.

– Ну ты же притащила его в кино! – воскликнула Мэй.

– Вовсе нет! Просто Роза... миссис Серано сказала, что Лео может пойти с нами, потому что остальные заняты в мастерской. Вот и все!

– Ну, значит, Лео в пролете, – пожала плечами неисправимая Мэй. Она достала из сумочки зеркальце и проверила, не размазалась ли тушь. – Остаются Тони и Рэй. – Она выпятила губы, критически осматривая себя в зеркальце. – Знаешь, я тут подумала и решила – ты правильно делаешь вид, что не обращаешь на них внимания. – Она убрала зеркальце и

ослепительно улыбнулась Джонни. – Не обижайся, милый, но твой братец – кобель, а Рэй – просто урод.

– Он не урод, – промолвил Джонни, и впервые за все время, что я слышала, как он разговаривает с Мэй, в его голосе прозвенело нечто вроде неудовольствия. – Он не виноват, что попал в ту страшную аварию. Врачи сказали, он чудом остался жив...

– Ну да, а когда пришел в себя, то не помнил даже своего имени. Ты его, конечно, жалеешь, но, по-моему, он все равно урод. Такие вещи даром не проходят. – Мэй обернулась, с вызовом глядя на меня. – В общем, подруга, тебе не повезло. Лучший из братьев Серано уже достался мне... и я никому его не отдам! – Она расхохоталась.

Возразить на это было ровным счетом нечего, и я была почти рада, когда Джонни притормозил возле моего дома. Входная дверь запиралась в десять вечера, и, когда я замешкалась, ища ключ, она неожиданно распахнулась передо мной. На пороге, царственно распрямившись во весь свой небольшой рост, стояла миссис Миллер. Туфли на максимально возможных в то время каблуках (шпилек еще не существовало), тщательно выглаженное платье, плотно сжатые губы, взор, источающий презрение, – для полного величия ей не хватало только пары лишних голов, изрыгающих огонь.

– Вы сегодня припозднились, мисс, – уронила она, с неудовольствием косясь на уезжающий автомобиль. – С чего бы?

– Икра, шампанское и разврат, – не моргнув глазом ответила я. Возможно, это была цитата из фильма, который я только что видела.

– Значит, опять кино, – невозмутимо констатировала миссис Миллер. – Надеюсь, машина хотя бы не краденая?

– Нет, это подарок одного гангстера, – отозвалась я.

– Представьте себе, я так и подумала, – с удовлетворением объявила она. И, пропустив меня в холл, миссис Миллер закрыла дверь.

8

Конечно, Джонни раскусил план матери – во что бы то ни стало разлучить его с Мэй. Любой другой на его месте постарался бы как-то выместить свою досаду на мне как на сообщнице, вольной или невольной, но Джонни никак не изменил своего ко мне отношения. Он всегда был мил, дружелюбен и сердечен. Вы скажете, что он выставил свое дружелюбие как барьер между мной и собой, который не позволял мне по-настоящему приблизиться к нему, и будете правы. Все, на что я могла рассчитывать – совместные походы в кино, в тир, в кафе и обмен незначительными репликами. Но даже если звезды складывались удачно и Мэй по какой-то причине не было поблизости, мы с Джонни никогда не оставались одни. Рядом всегда был Тони, Лео или Рэй, которого терпеть не могли все владельцы тиров, потому что он стрелял очень хорошо и почти всегда забирал какой-нибудь приз. Двоюродные братья одно время пытались состязаться с ним, но потом бросили это занятие, потому что он был намного лучше их. К призам – если это были не сигареты, например – Рэй относился довольно равнодушно и чаще всего отдавал их мне, так что дома у меня вскоре собралась небольшая коллекция мягких игрушек. Помню небольшое и довольно скромное заведение, в которое мы обычно заглядывали после тира. Там стоял музыкальный автомат – боже, я еще помню автоматы, в которых проигрывались не пластинки, а длинные валики, – и иногда я танцевала с Джонни или кем-нибудь из его братьев под музыку. Спиртное было запрещено, но в реальности продавалось на каждом шагу. Из-за низкого качества пошла бывали чудовищные случаи отравлений, но мало кого это останавливало. Впрочем, никто из нас спиртным не увлекался, мы разве что иногда пропускали бокал вина.

Вскоре к нашей компании присоединилась подружка Тони по имени Сэди, которая работала официанткой в подпольном баре. Она была рыжая, кудрявая и производила впечатление девушки неглупой, но изрядно потрепанной жизнью. На шее она носила черную бархотку, придававшую ей пикантный вид. Сэди уверяла, что подсмотрела ее в фильме у какой-то актрисы, но я почему-то не удивилась, когда она под большим секретом поведала мне, что бархотка скрывает шрам, которого она стыдится. Когда-то один из любовников, приревновав Сэди, пытался перерезать ей горло, но она вырвалась и ударила его по голове тяжелым предметом – иначе быть бы ей в морге. О случившемся она рассказывала со странным спокойствием, которое заставило меня предположить, что в ее жизни случались вещи и страшнее этого нападения. Помню, ее не на шутку поразило, что Тони не поколотил ее, когда она совершила прямо-таки ужасный проступок – опрокинула соус для спагетти на его выходной костюм, которым он очень дорожил. Конечно, Тони не сдержался и наорал на нее, но мне трудно было представить, чтобы он поднял на нее руку, а вот она считала это само собой разумеющимся.

– Всю жизнь мне не везет с мужиками, – грустно констатировала Сэди, затягиваясь сигаретой. Мы сидели на подоконнике дамской комнаты, куда Сэди убежала, боясь новой вспышки гнева Тони, а я пошла за ней следом, чтобы ее успокоить. – Так ты уверена, что он не прибьет меня на месте? Чертов соус, и дернуло же меня размахивать руками, когда он оказался рядом...

Я снова терпеливо повторила Сэди, что ей ничто не грозит и она может вернуться в зал ресторана.

– Скажи, у тебя с ним что-нибудь было? Ничего? А то он иногда так на тебя смотрит... Не, я просто так спросила. Знаешь, иногда я думаю, что могла бы с ним замутить всерьез... Но, по-моему, ему от меня только постель и нужна.

– Мэй говорит, он кобель, – буркнула я.

– Ну раз уж Мэй так говорит... – Сэди холодно усмехнулась: она почему-то терпеть не могла подружку Джонни. – Ты ведь его любишь, верно?

– Я не люблю Тони, – сказала я, и это было чистой правдой.

– Я не о Тони говорю, – заметила Сэди и посмотрела мне прямо в глаза. Не зная, что на это можно ответить, я слезла с подоконника и одернула подол. В тот вечер на мне было синее платье с белыми тюльпанами, которое Роза скроила и украсила так, что даже незнакомые люди делали мне комплименты по его поводу.

– Она его не отпустит, – продолжала Сэди спокойно. – Но рано или поздно она ему надоест. Такие, как Мэй, всегда надоедают, потому что за душой у них ничего нет и предложить им нечего, кроме койки. Так что ты правильно делаешь, что сидишь в засаде и ждешь.

– Нет, – сказала я, внезапно разозлившись. – Я ничего не жду, и вообще я трусиха. Я даже не говорила ему, что люблю его.

– Ну, если он до сих пор этого не понял, он совсем дурак, – пожала плечами Сэди. – Говорю тебе: наберись терпения. Некоторые мужики похожи на плоды: надо ждать, когда он созреет и свалится к твоим ногам.

Вернувшись домой в тот вечер, я долго мерила шагами линялое ковровое покрытие в своей комнате. Любовь, которую я чувствовала, не походила на то, что я читала в книгах, и развивалась она тоже совсем не так, как мне хотелось бы. Порой я ощущала ее как обузу – и, честно говоря, я бы предпочла что-нибудь менее обременительное. Я никогда не видела в страданиях пользы, о которой так любят вещать некоторые сочинители, происходящие из обеспеченных семей, живущие в собственных домах и питающиеся по четыре раза в день. Также я терпеть не могла расхожую поговорку о том, что все, что ни делается, к лучшему, которая создана для того, чтобы оправдывать все подряд, не задумываясь. Мне был двадцать один год, и мои устремления в жизни были самые обыкновенные: я хотела найти своего человека, заработать достаточно денег, иметь свою семью и свой дом. Джонни мне понравился так, как не нравился ни один мужчина до него, но я понимала, что с его стороны могу рассчитывать только на дружбу, не больше. А дружба – всего лишь жалкая подачка там, где замешана любовь, и я не видела способа, как мне изменить свое положение. Может быть, Сэди была права и лучшим выходом было набраться терпения и ждать?

Через пару дней я неожиданно для себя вытащила из почтового ящика конверт, отправленный из Севастополя, штат Калифорния. Даже на чужбине моя мать ухитрилась выбирать именно те места, которые напоминали ей о России. В этом идиллическом городке она жила среди сливовых и грушевых садов вместе с Павлом Егоровичем, своим спутником жизни, некогда офицером царской армии, а ныне просто лицом без определенных занятий и средств к существованию. Средства эти моя мать неутомимо выцарапывала из бывшей жены моего отца, дамы с польскими корнями, которая жила в Париже и содержала небольшой фонд помощи эмигрантам. Боюсь, что мать прибегала к ее помощи гораздо чаще, чем позволяли приличия – причем деньги, которые она получала, никак не влияли на ее отношение к баронессе Корф, которую она всегда терпеть не могла и которую обвиняла едва ли не во всех своих злосчастиях. Конечно, именно баронесса Корф была причиной того, что мои родители так и не поженились, и именно из-за чрезмерной привязанности барона к супруге (которая, к слову сказать, сама развелась с ним через несколько лет после свадьбы) меня едва не назвали Амалией в ее честь. Мать всегда любила живописать, как она едва отбилась от требования Александра (моего отца) дать мне имя его бывшей жены, которую, судя по всему, он продолжал любить, несмотря ни на что. Фамилия отца мне тоже не досталась: в документах я значилась под фамилией матери – Коротич. Сама она была дочерью бедного священника, младшей из семи детей, большинство которых в разные сроки умерли от туберкулеза. Это навсегда поселило в ней страх перед болезнями легких, и, едва получив (благодаря моему рождению) влияние на моего отца, она стала требовать, чтобы он каждый год отправлял нас в Крым, на

Ривьеру, в теплый климат, где болезнь не сможет ее настигнуть. Деньги отца открыли перед ней множество новых возможностей; она забросила театр (где и раньше, откровенно говоря, играла вовсе не главные роли) и – как она писала знакомым – «целиком посвятила себя дорогой дочери», а на самом деле зажила благополучной и размеренной жизнью, к которой, по-видимому, всегда стремилась. Все было бы хорошо, но тут грянула Первая мировая война, а через несколько лет – революция. Мы эвакуировались из Крыма, но отец после этого прожил недолго, и излишне говорить, что при своем бегстве он потерял все, чем владел. Моей матери было за тридцать, и ей предстояло заново начинать борьбу за существование; ну а я... Я была чем-то вроде зеро, на которое игрок, просчитавший все комбинации, ставил все свои деньги в надежде сорвать куш – и проиграл, потому что в казино начался пожар, которого он никак не мог предусмотреть. Никто не любит проигрывать, и никто не любит того, что постоянно напоминает ему о его промахе. Между мной и матерью никогда не было особой теплоты; последние года полтора мы почти не общались, и оттого конверт, который я извлекла из своего ящика, возбудил больше сомнений, чем радостных ожиданий.

Дома я, собравшись с духом, все же открыла его. Из конверта выпала фотографическая карточка – мать и Павел Егорович на фоне дома, который они снимали, – и листок, исписанный с обеих сторон аккуратным закругленным почерком. Мать спрашивала, как мои дела, хотела узнать, не нужны ли мне деньги, и приглашала приехать к ним – прямо сейчас, на Рождество, на Новый год, когда угодно. Я поставила карточку на стол, прислонив ее к вазе, и подумала, что никуда не поеду, но ответное письмо пришло. Я взяла листок бумаги, поставила дату, написала «Дорогая мама», и тут меня заклонило. Не знаю, сколько я сидела и тарасилась на листок, с которого на меня смотрели два слова, написанные по-русски. Я знала, что могу написать вежливо-безразличное письмо, элегантно-юмористическое и даже вполне искреннее, описав разные стороны своей жизни, но не было главного, ради чего стоит сочинять что бы то ни было – доверия к своему собеседнику, желания открыться ему. Мне потребовалась почти неделя, чтобы выдавить из себя короткое послание на одну страницу. Я благодарила за фотографию, рассказала, как недавно печатала на заказ триста конвертов с адресами гостей и пригласительных билетов на какое-то торжество, и среди прочего дала понять, что дела еще долго не позволят мне выбраться из Лос-Анджелеса. К письму я приложила рисунок – портрет, который однажды набросал с меня Лео и который показался мне вполне удачным. Фотографии у меня не было, да я и не любила фотографироваться – возможно, потому, что в кадре волей-неволей отражалась нищета, из которой я никак не могла выбиться, даже несмотря на то, что много работала и от клавиш машинки на кончиках пальцев у меня образовались мозоли. Если бы кто-нибудь сказал мне тогда, что однажды я увижу свое фото на обложках иллюстрированных журналов, я бы сочла, что имею дело с жестоким шутником.

9

Я люблю Лос-Анджелес весной, когда цветет жакаранда⁶, но осень в городе наводит на меня тоску. Туманы чередуются с ливнями, над дорогами нависает пелена смога. Изо дня в день одно и то же – работа в газете, работа дома, дешевая невкусная пища, Джонни, который не обращает на меня внимания, его братья и кузен со шрамом, не забыть отложить деньги для квартплаты, бензин опять подорожал, и мотор машины стал как-то не так постукивать, когда я завожу ее. Узнав о проблеме, Рэй вызвался взглянуть, в чем дело, и я приехала в мастерскую.

– Во сколько мне обойдется ремонт? – спросила я напрямик, когда он осмотрел машину.

– Ни во сколько, – ответил Рэй, вытирая испачканные маслом руки. – Я почию ее бесплатно.

– Ну нет! – возмутилась я.

– Я не беру деньги с друзей.

Он произнес эту фразу таким тоном, что я сразу смирилась, но Тони, который возился с машиной клиента и тоже слышал наш разговор, нахмурился.

– Эй, что за дела? – промолвил он по-итальянски. – У нас тут что, благотворительная организация? Пусть она заплатит.

– Заткнись, – холодно ответил Рэй, убирая полотенце, которым вытирал руки. – Между прочим, мастерская куплена на мои деньги, так что я сам решу, кто платит, а кто нет.

– Твои деньги? – возмутился Тони. – Да ты был сопляком! Мама получила право распоряжаться твоим наследством, так что это и наша мастерская тоже!

– Может, хватит, а? – не выдержал Джонни. Он выходил покурить и только что вернулся. – Мы все – одна семья! Мы не должны ссориться! – Он повернулся к мрачному, напряженному Тони. – Какое тебе дело, сколько он берет за свою работу? Он же не говорит, что ты должен помогать ему за бесплатно!

– Миротворец, – буркнул Тони, играя желваками. – Ты что, не понимаешь, что он пытается нам сказать? Это, видите ли, его мастерская, потому что ее купили на деньги, оставшиеся после его папаши. Скажите пожалуйста!

– Но ведь так оно и есть, – пожал плечами Джонни. – Я не понимаю, чего ты злишься?

– Чего я злюсь? – вскинулся Тони. – Его отец работал в нефтяной компании. Его мать за всю жизнь палец о палец не ударила. И что? Сделали они хоть что-нибудь для наших родителей, для нас? Я тебя спрашиваю.

– Сделали – посылали нам подарки на Рождество и дни рождения, а мне однажды даже купили велосипед, – ответил Джонни. – А помнишь, как Лина заболела скарлатиной? Врача тогда тоже дядя оплатил.

– Очень ей этот врач помог, раз она умерла, – огрызнулся Тони. – И ничего особенного они для нас не делали. Его отец мог бы моему отцу хорошую работу подыскать...

– Слушай, о чем мы говорим? – Джонни начал раздражаться. – Дядя был инженер, а не президент компании. Да, они жили в лучшем доме, чем мы, и у них были слуги, и Рэй ходил в хорошую школу. Ну и что?

– Я уж не говорю о том, что искать работу пьянице бесполезно, – вставил Рэй, широко улыбаясь.

– Ты что сказал? – заорал Тони, от неожиданности переходя обратно на английский. – Ты как назвал моего отца?

⁶ Фиалковое дерево.

– Он был пьяницей, который не мог продержаться ни на одном месте, а потом его подставили и убили ни за грош, – ответил Рэй. – Мои родители, по крайней мере, были приличные люди.

– Ах ты сукин сын!

И в следующее мгновение они сцепились, причем по выражению их лиц я готова была поклясться, что на этот раз дело точно закончится смертоубийством. Заверещав от ужаса, я выскочила из мастерской и побежала в соседний дом – звать Розу, которая только одна и могла их образумить.

Роза была занята с клиенткой, но, едва услышав, в чем дело, извинилась перед ней и последовала за мной. Когда мы прибежали, из рассеченной губы Рэя текла кровь, а под глазом Тони красовался фонарь, но противники были полны жажды продолжать драку. Впрочем, появление Розы оказало на них отрезвляющее действие: они нехотя отошли друг от друга. Осмотрев боевые раны, Роза дала несколько советов, как минимизировать ущерб, а потом, не стесняясь моего присутствия, вlepила драчунам по подзатыльнику, как будто они были маленькими детьми.

– Ай! – Потирая затылок, Тони сделал вид, что ему очень больно. – Мама!

– Как ты можешь драться с сиротой? – сердито спросила Роза.

– Этот сирота сам кого хочешь обидит, – буркнул Тони.

– Из-за чего вы поругались? – требовательно спросила Роза, переводя взгляд с сына на племянника.

– Да так, – нехотя уронил Рэй.

– Лину вспомнили, – сказал Тони. – Ну и как-то... слово за слово...

Роза распрямилась. Глаза ее сверкнули так грозно, что сын даже отступил на шаг.

– Не смей! – вспыхнула она.

– Кто такая Лина? – не удержавшись, вполголоса спросила я у Джонни.

– Наша сестра. Она умерла. Мама никогда о ней не говорит.

Лина – скорее всего, в честь Лины Кавальери, чья открытка с автографом, купленная по случаю у какого-то старьевщика, висела в ателье; но я решила, что с меня хватит и того, что я знаю, и ни к чему продолжать расспросы. Позже я случайно узнала больше – от Мэй, когда мы с ней, Сэди, братьями Серано и Рэем сидели в кафе после просмотра фильма. Мужчины отошли приветствовать какую-то компанию, Сэди удалилась в дамскую комнату, а Мэй, говоря то об одном, то о другом, добралась и до таких подробностей о семье Джонни, которые я не знала.

– Роза в молодости была что надо. Не красавица, но глаз не отвести, – сплетничала Мэй, затягиваясь сигаретой, на которой остался отпечаток ее ярко-красной помады. – Она могла выйти за Джино де Марко, но в ту пору его посадили в тюрьму. Болтали, что он еще убил человека, и Розе это не понравилось. Короче, она вышла за Карло Серано. Он был добрый, покладистый, спокойный – в общем, добавить бы деньги, так мечта любой нормальной женщины. Но особых денег у него не было. К тому же он играл на скачках и частенько просаживал даже то, что зарабатывал. Потом Джино вышел из тюрьмы, предложил Розе уйти к нему, но она ответила, что она честная женщина. Один муж, одна семья, и никаких походов налево. Через пару лет Джино женился на другой, но она здоровьем подкачала. Три раза рожала мертвых детей, потом родила дочь Флору, а потом выяснилось, что у нее чахотка. Зато дела у Джино пошли в гору, потому что сухой закон дал ему возможность развернуться. А Карло, наоборот, стал много пить, и Роза ничего не могла с этим поделать. Когда их единственная дочь Лина заболела, Роза сказала, чтобы он привел врача. Он ушел, встретил приятелей, загулял с ними и забыл, что дочь больна. Роза потом дозвонилась до брата Карло, он прислал доктора, но было уже поздно: Лина умерла. Роза устроила мужу ужасную сцену, кричала, что проклинает тот миг, когда согласилась выйти за него. В общем, случившееся

как-то его образумило. Он нашел работу, стал регулярно приносить хорошие деньги, перестал пить. А потом полиция смертельно ранила его во время облавы.

– То есть он не сказал жене, кто именно взял его на работу? – спросила я.

– Не сказал.

– Но Джонни уверен, что де Марко подставил его отца?

– Тебя что-то не устраивает? – Мэй с вызовом прищурилась.

– Нет, ну подумай сама: сдавать собственный склад полицейским, рассчитывая на то, что они убьют Карло... а если бы он ушел со склада до облавы? Если бы сразу же сдался? Или если бы убежал? И потом, зачем столько сложностей – полиция, облава... Куда проще организовать несчастный случай – или убийство во время уличного ограбления, например, если уж де Марко и в самом деле хотел от него избавиться.

– Ну раз ты так говоришь, поверю тебе на слово. – Мэй насмешливо улыбнулась сквозь дым. – Только вот сам Карло был убежден, что Джино все подстроил. Он успел сказать это Винсу и заставил его пообещать, что он и его братья никогда не будут иметь дело с Джино и еще – что они не попытаются отомстить за Карло.

– Даже так?

– Конечно. Потому что Джино убить их – раз плюнуть. Карло не хотел, чтобы его дети пострадали. Он и так винил себя в том, что Лина умерла.

– О чем говорим? – поинтересовалась Сэди, подходя к нам и садясь за стол.

– О мертвецах, – ухмыльнулась Мэй, сминая окурочку в пепельнице.

– Фу, гадость какая. – Сэди брезгливо передернула плечами. – Другой темы найти не могли?

Мэй расхохоталась. Сэди в ответ смирив ее неприязненным взглядом и отвернувшись. Вернулись наши спутники, и разговор продолжился, но уже совсем о другом.

Рэй починил мою машину, и на радостях, что она больше не доставляет мне хлопот, я расцеловала его в обе щеки.

– Этого мало, – усмехаясь, заметил Тони из другого угла мастерской. Он и Джонни чинили старый, видавший виды кабриолет – возможно, выпущенный еще до Первой мировой войны.

– А ты и этого не получишь, – парировала я. Тони сразу же перестал улыбаться.

Мужчины и женщины по-разному воспринимают некоторые слова, и эта фраза, которую я ляпнула от избытка хорошего настроения и – будем откровенны – невеликого ума, однажды мне аукнется.

– Может, пойдем завтра в кино? – предложил Рэй.

– Не могу, на неделе я занята, и на следующей, наверное, тоже. Миссис Блэйд принесла мне толстую рукопись на перепечатку. Ей сказали, что за романы больше платят, ну, она и написала роман. Поразительная женщина.

– Может, тебе стоит найти работу получше? – спросил Рэй. – Невозможно же всю жизнь перепечатывать всякую ерунду.

– Знаю, но кем еще я могу быть? Продавщицей? Официанткой? Все это несерьезно.

– А в кино не хочешь попробоваться? – спросил Джонни.

– Актрисой? Еще чего не хватало. Актрисой, – торжественно заключила я, – я не буду никогда!

10

Роман миссис Блэйд я переписывала на машинке чуть ли не месяц – она дополняла отдельные главы по ходу дела и несколько раз перекраивала финал. Речь в книге шла о девушке-официантке, которая случайно знакомится с богачом. У богача есть надменная красавица невеста, которая его не любит, а у героини – жених, грубиян из автосервиса. По тексту было ясно, что миссис Блэйд не имеет ни малейшего понятия о том, как работают и чем живут официантки, равно как и о работниках автосервиса. Я все терпела, так как она платила аккуратно, не опускаясь до фокусов в духе Фрэнка Гормана. Несколько раз она советовалась со мной по поводу отдельных моментов, и я старательно воздерживалась от любой критики в адрес ее сочинения – не только потому, что миссис Блэйд мне платила, но и потому, что меня невольно трогала ее наивность, странная для женщины сорок с лишним лет от роду. Я мало что знала о ее жизни – она глухо упоминала, что приехала с юга и что выросла в большой патриархальной семье, глава которой, как я заключила по кое-каким замечаниям, был несносным тираном. Я угадывала, что миссис Блэйд бесконечно одинока, как бывают одиноки только люди, не находящие себе места в жизни. Муж ее то ли ушел, то ли умер, сын работал в страховой компании и отдалился от нее. Она носила длинные темные платья чуть ли не по щиколотку (не дай бог открыть колени), тяжелые бусы с претензией, шляпки без украшений и некрасивые туфли без каблучков. Воспитанная в строгости, она никогда не пользовалась косметикой и не подкрашивала волосы. Она была старомодна, застенчива и принадлежала к тем людям, которые возбуждают жалость, а у людей определенного склада – раздражение. Я не рассказывала миссис Миллер о миссис Блэйд (потому что была уверена, что старухе и так все известно о моей посетительнице), и миссис Миллер сама высказалась о пишущей даме с присущей ей определенностью.

– Настоящая леди, сейчас уже таких не делают, – сказала она. – И не ценят.

И минутой позже:

– Таких, как она, мужья начинают обманывать еще до свадьбы.

– Вряд ли нас это касается, миссис Миллер, – дипломатично заметила я. Старуха свирепо фыркнула и удалилась отчитывать кого-то из жильцов за то, что он играл по вечерам на флейте, раздражая своих соседей.

Из-за работы (ведь, кроме печатания на дому, я должна была еще вкалывать в газете) я совершенно упустила подробности ссоры Джонни с Мэй. Кое-что мне потом рассказала Сэди, кое-что – Рэй, Лео и Тони. Похоже, что ссора вспыхнула на ровном месте из-за того, что Джонни показалось, что Мэй с кем-то флиртует. Мэй вспыхнула, и все завершилось скандалом, в ходе которого она швырнула в Джонни тарелку. Не знаю, кто больше – Роза или я – надеялся, что между Мэй и Джонни все кончено, но надеждам этим не суждено было сбыться: уже через два дня они помирились, и когда я снова их увидела, все указывало на то, что ссора только укрепила их отношения. В тот вечер мы всей компанией отправились в кино, и, когда Мэй стала хихикать и прямо в зале целоваться с Джонни, нервы у меня не выдержали. Я встала с места, сказала, что я, кажется, уже видела этот фильм, и вышла из зала. Рэй выскочил следом за мной, но я находилась в таком взвинченном состоянии, что едва обратила на это внимание. Свежий воздух немного отрезвил меня, и на улице я остановилась. В соседнем кинотеатре, поменьше и попроще, шел фильм с Бастером Китомом⁷, и Рэй предложил пойти туда. Народу в зале было меньше, чем в том, откуда мы ушли, что вполне меня устраивало, но все же я не могла смеяться со всеми. Раз или два, впрочем, я

⁷ Бастер Китон (1895–1966) – выдающийся американский комик. Лучшие его фильмы вышли в 20-е годы, когда он был одновременно актером, сценаристом и режиссером.

нашла в себе силы улыбнуться во время просмотра – и тут я заметила, что Рэй смотрит не на экран, а на меня.

– Что? – спросила я.

– Ничего.

– Точно?

(Дурацкий диалог, конечно; а вы хотите, чтобы в жизни все реплики, как в хорошем сценарии, имели смысл?)

– Я тебе не нравлюсь? – внезапно спросил мой спутник.

Я смутилась.

– Послушай, я хорошо к тебе отношусь, – сказала я. – Но...

В сущности, после «но» можно было и не продолжать, и мы оба это поняли.

– Хотел бы я, чтобы ты хоть иногда смотрела на меня так, как ты смотришь на Джонни, – безжизненным голосом промолвил Рэй, глядя на экран, где суетился маленький человечек в мешковатом костюме и маленькой плоской шляпе-канотье.

– Что, очень заметно, что он мне нравится? – Рэй кивнул. – И он тоже знает?

– Конечно.

– Я ему не нужна, – пробормотала я. – Совсем.

Неожиданно мне все надоело. Никчемная жизнь, никчемная любовь, никчемная работа – сколько еще я буду все это терпеть? Я внутренне бунтовала, и бунт требовал действий, не важно каких. У меня были деньги, которые мне заплатила миссис Блэйд, и машина, которую починил Рэй. На Новый год неожиданно для всех, и в том числе для себя, я собралась и уехала в Севастополь, который находится недалеко от Сан-Франциско, так что ехать туда из Лос-Анджелеса не сказать чтобы близко. Когда я вышла из машины, мать выбежала из дома мне навстречу.

– Боже мой! Почему же ты не предупредила? Дай-ка я на тебя посмотрю! Это твоя машина? Ну, заходи, заходи, мы с Пашей уж и не надеялись тебя увидеть...

Мать прекрасно выглядела, ее глаза смеялись, и она, похоже, действительно была рада меня видеть. Отлично одета, русые волосы подстрижены и уложены модными волнами. Она всегда тщательно следила за собой, и не слишком наблюдательный человек мог бы дать ей лет тридцать (а она с удовольствием бы их приняла).

Она показала мне сад – маленький, но симпатичный, полный разных фруктовых деревьев, и, кивнув на одну из яблонь, добавила, что зовет ее жадиной.

– Как ее ни тряс, она не отдает некоторые яблоки, которые висят наверху, – объяснила мать. – И они не падают, представляешь? Висят и висят, даже когда сгниют и сморщатся... И когда яблоня снова начинает цвести, они остаются на месте!

И в самом деле, на верхушке яблони были видны скукожившиеся почерневшие плоды, которые странным образом придавали ей не мрачный, а скорее живописный и необычный вид.

В саду к нам присоединился Павел Егорович – спокойный человек с седыми усами и неистребимой офицерской выправкой, который умел и любил готовить превосходные борщи. Если бы не выправка, вы бы ни за что не угадали, что перед вами храбрейший воин, который до последнего сражался с большевиками в Крыму под командованием Слащева⁸. В моем присутствии Павел Егорович всегда смущался и говорил мало и редко, но я была рада, что он находится рядом с моей матерью. Он бы точно не дал ей надеть глупостей, к которым она, как я считала, имела склонность.

Мы поужинали вдвоем, я рассказала о своей работе, о миссис Блэйд и немного – о знакомстве с Розой Серано. Мать поведала, как Павел Егорович варит сливовое варенье,

⁸ Яков Слащев (1886–1929) – белый генерал. Послужил прототипом генерала Хлудова в пьесе М. Булгакова «Бег».

которое восхищает всю округу. Вообще Севастополь ей нравится, и климат тут прекрасный. (Она не любила большие города и никогда не скрывала этого.)

– Конечно, мы бы хотели выкупить дом, чтобы он был только наш, – сказала она. – Но хозяева не хотят его продавать.

Я едва не поперхнулась чаем, который пила, и поспешно поставила чашку на блюдце.

– Так у вас есть деньги на покупку дома? Баронесса Корф прислала?

– Эта интриганка? Ха! – Мать сделала презрительный жест. – Нет, я получила наследство после Герберта. Ты его, наверное, помнишь – это благодаря ему мы сумели перебраться из Константинополя в Париж, а потом из Парижа в Америку.

Герберт был дипломатом. Мне вспомнилось что-то сухощавое, длиннолицее, всегда корректно одетое и донельзя скучное. Он был женат, но мою мать это не остановило. Говорить о любви с ее стороны, я думаю, не имеет смысла – она просто искала того, кто мог поднять ее на ту же высоту, что и мой отец.

– Я очень рада, что у вас теперь есть деньги, – пробормотала я.

– Он мог бы и побольше мне оставить. – Ответ был типичным для моей матери. – У него был рак, и Герберт хотел, чтобы я приехала к нему в больницу, представляешь? Как будто видеть умирающих – то еще удовольствие.

– Он просто хотел попрощаться с тобой, – сказала я, ежась от ее бессердечия. Я не любила Герберта, но не видела ничего хорошего в том, чтобы о нем говорили таким тоном.

Мать холодно улыбнулась.

– Он уже попрощался с нами, когда заявил, что его семья важна для него и вообще нам лучше расстаться. Я пять лет угробила на этого олуха, который дарил шелковые чулки с таким видом, будто делает величайшее одолжение в жизни. Пять лет!

Павел Егорович молчал, глядя в угол. Я бы дорого дала, чтобы знать, что он думает сейчас.

– Значит, ты не поехала в больницу? – спросила я.

Мать пожала плечами.

– Когда я приехала, он уже умер. Адвокат его семьи сказал мне, что они могли бы оспорить завещание, но не хотят скандала.

Я подумала, что в действительности все обстояло иначе: как только моей матери намекнули, что могут оспорить завещание, она пригрозила устроить скандал, и семья пошла на попятную. Павел Егорович шевельнулся, поднялся с кресла.

– Пожалуй, я пойду покурю снаружи, – сказал он, виновато улыбаясь.

– Паша! Смотри не простынь! – с тревогой крикнула мать ему вслед, когда он вышел из комнаты. Почему-то я вспомнила, что она всегда говорила эти слова и моему отцу, и своему очередному спутнику, даже если на улице было жарко.

Я допила чай. Бок самовара лоснился в сумерках, и я подумала, что надо спросить, где моя мать ухитрилась его раздобыть. Но ее вопрос опередил мой.

– Скажи, ты, случаем, не собираешься замуж?

– Я? – только и могла пробормотать я.

– Ну а кто же еще? У тебя есть кто-нибудь на примете?

– Ну... – осторожно протянула я, прикидывая, до каких пределов можно довериться моей матери, – мне нравится один человек...

– А у него есть деньги?

Вот, пожалуйста. Какой смысл рассказывать ей про Джонни, его лучистую улыбку, его доброту, вообще все, что мне в нем нравится?

– Ты ничего другого спросить не могла? – колюче осведомилась я.

– Значит, нет, – констатировала мать, пожимая плечами. – Не понимаю, на что ты злишься. Жизнь материальна, и чем скорее ты это поймешь, тем проще тебе будет. Для

достойной совместной жизни тоже нужны деньги, и никуда от них не деться. Взять хотя бы детей...

– Он влюблен в другую, – перебила я ее. – И она... Она просто потаскушка.

– Тем лучше, – уверенно сказала мать. – Значит, ты можешь забыть о нем. Он тебя не стоит.

– Я не могу о нем забыть, – упрямо проговорила я.

– Детские фантазии, Танюша. Пора тебе повзрослеть!

Второго января я поехала обратно в Лос-Анджелес. Дорога была мокрой от дождя, кое-где на нее наплывал туман, черные кипарисы и раскидистые пальмы, выстроившиеся вдоль шоссе, казалось, провожали меня недоброжелательными взглядами, и я была рада, когда наконец добралась до своего дома. Все-таки долгие путешествия всегда выматывали меня, и больше всего я любила путешествовать, лежа на диване с интересной книжкой в руках.

Наверное, именно тогда, когда я села ужинать (снаружи лил ливень, а из еды у меня осталась только пачка печенья и немного кофе), в другой части города Джонни и Мэй вышли из кинотеатра, в котором она работала, и сели в машину, которую Джинно подарил Винсу на свадьбу. На скользкой дороге грузовичок, ехавший по встречке, занесло. Пытаясь избежать столкновения, Джонни вывернул руль, но неудачно, потому что грузовичок врезался в автомобиль с той стороны, где сидела пассажирка. Машину отбросило на несколько метров. От удара Мэй скончалась на месте, а Джонни, весь в крови, выбрался наружу. Сбежались зеваки, появился полицейский, кто-то привел врача из многоэтажного дома, стоящего поблизости, и врач констатировал переломы у водителя грузовика и смерть Мэй. Свидетели позже вспоминали, как Джонни повторял: «Нет, этого не может быть, боже мой! Я убил ее... Я ее убил!» Доктор сказал, что даст ему успокоительное и осмотрит его травмы, и повел его в свой кабинет. В приемной он на минуту оставил Джонни, а когда вернулся, того уже не было. Врач решил, что пациент вернулся на место аварии, и пошел туда, но как выяснилось позже, Джонни поступил иначе. Выйдя из кабинета, он направился к лестнице, шатаясь, поднялся по ней почти до самого верха, а затем бросился в пролет.

11

Утром на работе я печатала под диктовку Фрэнка Гормана заметки для отдела хроники. Когда после описания кражи в ломбарде пошло сообщение об аварии и последовавшем за ней самоубийстве водителя, я похолодела.

– По документам погибшим оказался некий Джон Сорано, двадцать лет от роду... Тат, почему ты остановилась?

– Сорано или Серано, Фрэнк?

– Может быть, Серано. Ну пиши Серано, если тебе так хочется.

– Что значит – мне хочется? – возмутилась я. – Ты вообще понимаешь, что говоришь? Больше всего мне в тот момент хотелось, чтобы происходящее оказалось сном.

– Ты что, его знала? – с любопытством спросил репортер.

– А ты не знал? Джонни Серано – это сын портнихи, которая шила для твоей жены!

– Да? – равнодушно промолвил Фрэнк, почесывая голову. – Ну и что?

– Ты сказал, что с ним была Мэй Финли. Пассажирка, которая погибла в результате аварии. Фрэнк, ты уверен, что ее звали именно так?

Я была близка к истерике. Если бы репортер полистал свой блокнот и сконфуженно признался, что в машине была вовсе не Мэй Финли, а неизвестная мне женщина, можно было бы счесть, что речь идет о других людях. Боже, боже, пожалуйста, сделай так, чтобы это был не Джонни, чтобы...

– Да я точно записал, – пожал плечами Фрэнк. – Мэй Финли, двадцать пять лет, и Джон Сорано – ну, разве что насчет фамилии парня я мог дать маху. Да какая разница, – заключил он, – все равно это обычное сообщение строк на десять...

Я не знаю, как я допечатала ту проклятую заметку, после которой последовали еще пять других, а потом пришел один из редакторов и потребовал срочно перепечатать статью с его правками. Я пробормотала, что мне надо отлучиться на пять минут, бросилась к свободному телефону и дрожащим голосом продиктовала телефонистке номер Розы. На том конце провода долго не отвечали. Наконец трубку сняла служанка Мария.

– Я могу поговорить с Розой? – отчаянно выкрикнула я.

– Хозяйка не может ни с кем сейчас говорить, – промолвила Мария своим низким голосом с густейшим итальянским акцентом. – У нас горе.

– Так Джонни и в самом деле...

У меня не хватило сил закончить фразу.

– Вы уже слышали? Да, он умер.

Я уловила в трубке отзвуки мужского голоса – кто-то вошел в комнату на другом конце города и заговорил с Марией.

– Это Тони? Мария, дай мне его, пожалуйста...

Мария объяснила ему по-итальянски, кто звонит. Должно быть, он сразу же взял у нее трубку, потому что уже через мгновение я услышала его голос:

– Алло!

– Тони, неужели это правда? – вырвалось у меня. – Я просто поверить не могу... Как он мог?

– Ты меня спрашиваешь? – мрачно спросил Тони.

– Прости, пожалуйста, – пробормотала я.

Он вздохнул, видимо, пытаясь подобрать какие-то слова – и не найдя ни одного.

– Мы всю ночь не спали, – сказал он. – Мама только что уснула. Лучия уговорила ее лечь.

– Лучия тоже у вас?

– Конечно.

Вот, значит, как. А мне даже никто ничего не сказал. Впрочем, чему я удивляюсь – ведь для них я была никто.

– Прости, я не могу сейчас говорить, – сказал Тони. – Если сможешь, приезжай, пожалуйста. Любая поддержка нам очень нужна.

– Конечно, – воскликнула я, – я приеду, как только освобожусь!

Едва рабочий день закончился, я поспешила к своему автомобилю и даже не сняла нарукавники, которые обычно надевают машинистки, чтобы предохранить одежду от преждевременного стирания и летящей с лент машинок черной пыли. Только уловив чей-то вопросительный взгляд в доме Серано, я опомнилась, поспешно сняла их и убрала в сумочку.

Ателье было закрыто, но в дверь то и дело звонили все новые и новые люди, которые пришли выразить свои соболезнования и спросить, не могут ли они чем-то помочь. Роза сидела в гостиной в очень красивом черном платье, отделанном кружевом. Черты ее лица словно стали суше, углы рта трагически оттянулись книзу, глаза поражали нездоровым, каким-то нездешним блеском, и в волосах стали явственно видны тонкие седые пряди. Мне казалось, что мою скорбь не выразят и тысячи слов, но в действительности меняхватило только на беспомощное:

– Миссис Серано, мне так жаль... Так жаль!

Она распахнула объятия, и я бросилась к ней и зарыдала у нее на плече. Потом кто-то отвел меня и усадил в углу, и, вытирая слезы, я увидела, что это Лучия, находившаяся на последних неделях беременности. Она сильно располнела и еле передвигала распухшие ноги, и мне стало стыдно.

– Лучия, простите, ради бога, что я причиняю столько хлопот... Может быть, вам лучше сесть? – Говоря, я поднялась с места.

– Нет-нет, не волнуйтесь, со мной все хорошо, – замахала она руками.

– Вы уверены?

– Ну конечно, уверена.

Отец Розы находился тут же, и меня поразило потерянное выражение его лица. Что он должен был чувствовать, потеряв внука, которого любил и которым в глубине души наверняка гордился? Луиджи отошел к окну и, думая, что его никто не видит, достал платок и вытер набежавшие слезы. Мне хотелось сказать ему что-нибудь ободряющее, но я могла только плакать, как он.

Вошел Винс, суровый, со складками у рта, которые состарили его. Роза говорила с какими-то посетителями, и он подошел к жене.

– Ну что? – спросила она, с тревогой понизив голос. – Он согласился?

Ее муж коротко мотнул головой.

– Нет.

– Ужасно, – растерянно пробормотала Лучия, и ее нижняя губа задрожала. – Что же теперь будет?

– Не знаю, – мрачно ответил Винс.

Из дверей, которые вели в столовую, показался Тони, за которым шли Лео и Рэй. Мы обменялись приветствиями, и я не могла удержаться от скверной мысли, что променяла бы одного Джонни Серано на всех его братьев, родных и двоюродных. Чтобы он мог сказать мне «Добрый вечер, мисс» – вместо них. Я бы даже согласилась снова видеть его рядом с Мэй, лишь бы он остался жив...

– Ты не позвонил, – сказал Тони, подходя к старшему брату. – Значит – нет?

– Что я могу поделать? – завелся Винс. – Священник в своем праве! Церковь не приемлет самоубийц!

– Ага, а что самоубийца твой родной брат, ты уже забыл?

– Ты спятил? – возмутился Винс. – Джонни был лучшим из нас! Как я могу его забыть?

– Что случилось? – спросила я. Меня оскорбляла эта перепалка в доме, где еще витал дух Джонни и где в каждой комнате оставались вещи, которых он касался и которые только вчера принадлежали ему.

– Священник отказывается хоронить Джонни, – сказал Рэй. – Потому что тот покончил с собой.

– Он сильно мучился? – задала я вопрос, который жег мне губы с той минуты, как я переступила порог.

– Нет. Врачи сказали, он сломал шею в падении и умер еще до того, как разбился, – ответил Тони.

Лучия всхлипнула и прижалась лицом к груди мужа. Он рассеянно погладил ее по голове.

– Что будем делать со священником? – спросил Рэй, обращаясь к двоюродным братьям.

– А что с ним можно сделать? – мрачно осведомился Винс. – Деньги я ему уже предлагал. Бесполезно.

– Может быть, кто-нибудь другой сможет его уговорить? – неожиданно подал голос Лео.

Братья переглянулись. Тони тяжело повел челюстью, Винс потемнел лицом.

– Нет, – промолвил он тяжелым голосом, – мы не пойдем к Джино де Марко. Ни за что!

– Но... – начал Лео.

– Это де Марко его убил, – с ожесточением сказал Тони. – Джонни погиб из-за его проклятой машины. Второй раз из-за де Марко мы теряем члена нашей семьи. Уже второй раз!

...Похороны состоялись в пасмурный день. Все было как полагается, включая и отпевание в церкви, из чего я заключила, что со священником все же удалось договориться. Джонни лежал в гробу в том же самом костюме, в котором я видела его на свадьбе Винса, но я не узнала человека, которого любила. Над телом как следует поработали, и меня не покидало ощущение, что я вижу не Джонни, а раскрашенную куклу, сохраняющую с ним лишь отдаленное сходство. Что вообще такое – смерть? Вот только что был человек, жил, смеялся, дышал, радовал близких – и вдруг его нет, а то, что было его телом, засовывают в деревянный ящик и закапывают под музыку, которая ему вряд ли понравилась бы, с цветами и венками, на которые он при жизни даже бы не посмотрел. Женщины на похоронах плакали, некоторые причитали в голос, но Роза стояла, как окаменевшая, опираясь на руку своего отца. Мне самой было безумно плохо, но я боялась даже помыслить о том, что творилось у нее на душе.

Ближе к вечеру я вернулась к себе и легла на кровать, не зажигая свет. За стеной мурлыкало радио, на кухне заворчал холодильник, потом умолк. Вместо мыслей в голове проплывали какие-то обрывки слов и ощущений, слезы текли по щекам и скатывались на подушку. Засыпая поздно ночью, я пожелала, чтобы Джонни мне приснился, но он так и не пришел – возможно, потому, что даже при жизни ему было неинтересно слушать, как я его люблю, а после смерти и подавно. Утром я опоздала на работу и получила от начальства выволочку.

12

Будем откровенны: прежде я общалась с Розой и ее родными только потому, что это помогало мне чаще видеться с Джонни. После того как он поставил в своей жизни точку, шагнув в пролет, его семья утратила для меня всякое значение. Несколько раз мне звонил то Рэй, то Тони, то Роза, но я предпочитала быстро сворачивать разговор, а потом вообще перестала отвечать на звонки. В те дни я была совершенно раздавлена, но вместе с тем мне не хотелось ни с кем делить свое горе. Никакие утешения меня тоже не устраивали, потому что я инстинктивно чувствовала, насколько они бесполезны. Но однажды, когда я вышла на Мэйн-стрит в обеденный перерыв, чтобы перекусить, меня окликнул знакомый голос, и, повернувшись, я увидела Сэди. На ней была новая шляпка, очень элегантная, и сумочка у подружки Тони тоже была новая. Сэди объявила, что очень рада меня видеть, и проследовала за мной в кафе, хотя до него было не так уж близко. (Я не любила сталкиваться вне работы с коллегами и оттого предпочитала не ходить в забегаловки возле редакции, которые посещали они.)

– Что-то тебя давно не было видно, – сказала Сэди, садясь за столик и скользнув изучающим взглядом по моему лицу.

– Что, нужно объяснять почему? – вяло заметила я.

– Ну, наверное, не стоило так резко пропадать. Ребята беспокоились, как-то заехали тебя навестить, но старая ведьма их не пустила.

Чудесная миссис Миллер. Я ощутила к ней прилив симпатии.

– Со мной все в порядке, – сказала я. – Шикарная шляпка.

– И не говори! – Сэди оживилась. – Двадцать пять долларов, представляешь? Я ему говорю: зачем такая дорогая, а Тони говорит: да ладно тебе, раз нравится – носи. Купил ее и подарил мне!

– Он что, чинил машину какого-нибудь миллионера? – поллюбопытствовала я.

– Машину? – Сэди смутилась. – Нет, ты что... Он теперь в гараже появляется только для виду.

– В смысле, он нашел другую работу?

– А ты разве не в курсе?

И Сэди рассказала, что Винс, Тони, Рэй и Лео отправились к Анджело Торре и попросили его повлиять на священника, который не хотел отпевать Джонни. Торре согласился помочь, но выставил условие, что отныне они будут работать на него, потому что ему нужны люди, и теперь все они входят в его банду.

– Может, мне не стоит этого говорить, – пробормотала Сэди, водя пальцем по краю своего стакана, – но мне не нравится, что Тони впутался... ну, ты понимаешь во что.

Зато ей нравилась шляпка, которую он купил на деньги, заработанные, прямо скажем, вовсе не тем, что переводил через дорогу старушек. По молодости мне казалось, что люди должны проявлять больше последовательности, и даже при всем желании я не могла проникнуться к Сэди сочувствием.

– Боишься, что его могут посадить? – спросила я.

– Не только. Гораздо хуже, если с ним что-нибудь случится. В их бизнесе бывают такие разборки...

Я поймала себя на том, что мне надоело обсуждать Тони, и решила сменить тему.

– Ты работаешь все там же, в Калвер-сити?

– Да.

Сэди немного смутилась, отвечая на самый обычный вопрос. Мне бы задуматься почему. Сейчас-то, конечно, я бы мигом сообразила, что человек, который работает в Кал-

вер-сити, не ездит обедать на Мэйн-стрит, и, стало быть, вероятность того, что он столкнется там с некой машинисткой, равна нулю. Из данного заключения неизбежно вытекало следующее: раз встреча все-таки произошла, значит, она вовсе не была случайной. Но зачем Сэди приезжать, ждать меня у здания редакции, затем изображать радость от якобы неожиданной встречи и вообще тратить на меня свое время? Мы не были подругами и даже не слишком хорошо знали друг друга. Другое дело, если бы кто-то попросил ее разыскать меня и узнать, как у меня дела – например, кто-то по имени Тони Серано.

– Знаешь, – сказала Сэди, чтобы увести разговор от опасной темы, – а я недавно была в центральном актерском бюро. Относила им свое фото и анкету.

Я слышала об этом бюро и знала, что оно в основном подыскивает статистов для массовок.

– Как впечатления? – спросила я.

– Много народу, всюду очереди, так что приходится подождать, пока тебя примут. Мужчинам проще: если он хорошо держится в седле, есть шанс попасть в какой-нибудь вестерн. Вообще неплохо уметь что-то делать: танцевать, например, или говорить по-французски. Чем больше ты умеешь, тем выше шансы, что ты не будешь сидеть без приглашений.

– Тебя уже куда-нибудь пригласили?

– Пока нет, но я ведь только что записалась. К нам в бар ходит один фотограф, он меня и снимал. Посмотрела я на эти фотографии и подумала – а что я теряю? Лучше ведь попробовать, чем ничего не делать и потом терзаться, что ты, может быть, упустила свой шанс.

– Разумно, – сказала я и посмотрела на часы. – Слушай, мне уже пора возвращаться. Была очень рада повидаться с тобой. И не останавливайся, пока не станешь звездой, – полусерьезно добавила я.

Сэди расцвела и поправила шляпку.

– Больше ничего не хочешь сказать? – заметила она, вопросительно глядя на меня. – Передать привет ребятам, например...

– А, да. Конечно.

Передай им привет и скажи, что я желаю им удачи в нелегальной торговле спиртным, рэжете или чем еще они там занимаются, съязвила я мысленно. Но только мысленно.

– Ты бы как-нибудь зашла их поведать, – нерешительно сказала Сэди.

– Да, конечно, как-нибудь обязательно, – ответила я, отлично зная, что больше никогда не встречу с братьями Серано, их матерью или кузеном со шрамами. – Просто... Я ужасно себя чувствовала, когда узнала о смерти Джонни. Я до сих пор ужасно себя чувствую, и если я увижу кого-нибудь из них... я буду думать только о том, кого больше нет, – добавила я изменившимся голосом.

Сэди понимающе кивнула. Мы обменялись еще несколькими незначительными фразами и попрощались.

Вернувшись в редакцию и снимая пальто, я услышала краем уха, как сотрудники обсуждают кого-то из отсутствующих коллег.

– Бросьте, она милая девушка, – сказал фотограф Роджер Экер. – И никакая она не высокомерная, просто застенчивые люди производят такое впечатление.

– Ладно, она не высокомерная, – проворчал Фрэнк Горман. – Но я все равно ее не понимаю. Ни с кем не дружит, никого к себе домой не приглашает...

– А, – оживился фотограф, – так ты хотел бы, чтобы она пригласила тебя к себе домой? Интересно, что об этом подумает твоя жена?

– Иди ты к черту! – рассердился Фрэнк. – Я просто хотел сказать, что это нормально – общаться с теми, с кем работаешь. Хотя бы на день рождения к себе пригласить или на какой-нибудь праздник... Странная она какая-то.

– А по-моему, наша Тат очень даже себе на уме, – объявила Лиззи, дымя сигаретой. – У нее есть словарь, и я сама видела, как она каждый вечер читает по странице. Наверное, чтобы произвести впечатление на какого-нибудь богатого мужика.

Оказывается, коллеги перемывали косточки мне, а про словарь Лиззи знала, потому что некоторое время мне пришлось жить с ней в одной квартире. Сделав над собой усилие, я улыбнулась и подошла к собеседникам.

– Ты уже вернулась? – сказал Фрэнк. – Отлично. Тебя ждет интервью одного ученого, где встречаются какие-то страшные слова вроде «параллелепипеда». Оно у тебя на столе, и его надо перепечатать уже позавчера.

– Никаких проблем, – отозвалась я. – Приходите послезавтра.

Все засмеялись, и Фрэнк – громче остальных.

Через несколько дней, получив свою еженедельную зарплату, я отправилась после работы в универсальный магазин. На улице возле него какой-то тип отвлек меня вопросом, а когда я начала отвечать, вырвал у меня сумочку и бросился бежать. Я кинулась за ним и налетела на пышнотелую даму, которая, схватив меня за руку, стала кричать и ругаться на весь квартал. Кое-как мне удалось избавиться от нее, но к тому моменту мерзавца, укравшего мою сумку, и след простыл. Домой я приехала в совершенно расстроенных чувствах и даже забыла поздороваться с миссис Миллер, когда столкнулась с ней в холле.

– Что-нибудь случилось? – спросила она. – На вас лица нет.

Отступать было некуда, и я выложила ей все, закончив просьбой повременить с платой за квартиру, потому что мне придется где-то занять деньги или отправить матери телеграмму, чтобы она выслала мне несколько долларов.

– Вы уже обращались в полицию? – спросила миссис Миллер.

– Нет, я... Я не успела. И потом, что я им скажу?

– Опишите им вора и его сообщницу, – усмехнулась миссис Миллер. Я изумленно вытаращилась на нее. – Ну да, эта дама, которая вас задержала, наверняка его сообщница. Такие негодяи всегда работают в паре.

– Наверное, вы правы, – сказала я нерешительно, – но я... я никогда не была в полиции. Я не знаю...

– Я пойду с вами, – промолвила миссис Миллер железным голосом. – Подождите меня здесь, я сейчас вернусь. И постарайтесь вспомнить как можно больше примет этой парочки, вам придется подробно их описать.

В то время, о котором идет речь, полиция вызывала в обществе какие угодно чувства, только не уважение. Полицейских презирали за продажность, побаивались за жестокость и вообще старались иметь с ними дело как можно реже. При этом общество предпочитало обходить молчанием то, какие мизерные зарплаты получало большинство работающих в полиции, опасности, подстерегающие их на службе, и десятки, если не сотни погибших при исполнении. В прессе стражи порядка служили излюбленным предметом насмешек, и редкий номер нашей газеты обходился без шпилек в их адрес. Немудрено поэтому, что мысль об обращении в полицию, на которое я имела полное право, не вызывала у меня никакого энтузиазма.

Однако поначалу казалось, что с поддержкой миссис Миллер все пройдет как нельзя лучше. Не снизойдя до разговора с низшими чинами, она твердой поступью добралась до кабинета начальника участка и, преодолев сопротивление секретаря, который не хотел нас пускать, хорошо поставленным звучным голосом изложила суть проблемы.

– Что ж, мэм, должен вам заметить, что вырванная на улице сумка – еще не самое страшное преступление, которое может произойти в нашем городе, – спокойно заметил шеф и повернулся к секретарю: – Джим, кто у нас на месте из отдела краж? Майерс еще не ушел?

Секретарь кашлянул.

– Никак нет, сэр.

– Так что вам к лейтенанту Майерсу, – заключил шеф. – Третий кабинет.

И он обменялся с секретарем многозначительным взглядом, смысл которого мне стал понятен позже.

– У меня тут неподалеку кое-какие дела, – сказала миссис Миллер, когда мы вышли от шефа. – В любом случае, я больше ничем не могу вам помочь, потому что преступников видели только вы.

Я бессвязно поблагодарила ее и поспешила в третий кабинет. Лейтенант Майерс оказался толстяком с редкими волосами неопределенного цвета и маленькими, глубоко посаженными глазками. От его одежды разило потом, и он сидел, закинув одну ногу на край стола и жуя гамбургер. В нескольких словах я объяснила лейтенанту суть дела.

– Сумку, значит, вырвали, – хмыкнул он, дожевывая гамбургер и вытирая руки бумажной салфеткой. – А вы не пробовали покрепче держать ее на улице, мисс? Чтобы не провоцировать воров, к примеру.

Я не знала, что на это можно ответить, и молча села на засаленный стул, на который Майерс мне кивнул.

– Что именно вы запомнили о том, кто вырвал у вас сумку? – спросил лейтенант. Он снял ногу со стола и выжидающе уставился на меня.

– Мексиканец, на вид лет тридцати или около того, – начала я.

Майерс насмешливо прищурился.

– Мексиканец? Вы уверены, что он, к примеру, не аргентинец и не перуанец?

– Вы ведь поняли, что я имею в виду, – пробормотала я.

– С какой стати? Особые приметы у него какие-нибудь были?

– Нет. Я не помню...

Майерс откинулся на спинку стула, сцепил толстые пальцы на брюхе и укоризненно покачал головой.

– Ну и как мне прикажете его искать?

– Он был хорошо одет, – начала я.

– И что? Это не примета.

– И у него была сообщница. То есть я думаю, что она работала с ним в паре, – заторопилась я. – Она задержала меня, когда я бросилась за ним.

– Вы думаете? Вы видели, как они делили деньги из вашего кошелька?

– Нет. Но она...

– Тогда это только ваши подозрения, ничем не подкрепленные, – победно заключил Майерс. – Как она выглядела?

– Толстуха, белая, лет тридцати пяти, может быть, сорока. Брюнетка, сильно накрашена, на шее зоб. Довольно сильная – я не смогла вырваться, когда она меня схватила.

– Ну это уже кое-что, – вздохнул Майерс. – Давайте заполнять официальное заявление.

Рано я радовалась: мой собеседник застрял на моих имени и фамилии, которые сразу же ему не понравились. Он с удовольствием раз за разом перевирал их, наблюдая, как я нервничаю и меняюсь в лице. Не то чтобы лейтенант Майерс был непроходимым тупицей, вовсе нет; негласно в его обязанности входило принять как можно меньше заявлений, чтобы у полиции было поменьше работы. Для того чтобы заставить посетителя уйти, годились любые методы. Кому, к примеру, понравится, когда его имя нещадно коверкают в течение нескольких минут?

– Место рождения? – спросил Майерс.

– Петербург.

– Петербург, штат Флорида?

– Нет. Петербург, Российская империя.

– Вот как? И что же вы у нас забыли?

– Простите? – опешила я.

Майерс усмехнулся.

– Едете к нам со всех концов земли, черт знает откуда, – смакуя каждое слово и отлично понимая, что я не смогу ему дать сдачи, проговорил он. – И что вам дома не сиделось? Плату за жилье из-за вас вздувают, на работу хорошую не устроишься... Сумки у вас на улице вырывают, видите ли. Одни хлопоты из-за вас у коренных жителей...

Тут я увидела возможность его уесть и немедленно ею воспользовалась.

– А я и не подозревала, что вы индеец, – ядовито заметила я. – Скальп снимать будете?

Майерс побагровел. Но я рано праздновала победу.

– Я, между прочим, при исполнении, дамочка, а вы меня оскорбляете, – процедил он с ненавистью. – А что, если я вас за это засажу за решетку?

За дверью кабинета послышались чьи-то шаги, раздался взрыв смеха. Мы сидели с лейтенантом по обе стороны замызганного стола и ели друг друга глазами. Если бы в кого-нибудь из нас в то же самое мгновение ударила молния, оставшийся в живых бы только обрадовался.

– Катитесь отсюда, пока я добрый, – буркнул Майерс. Он скомкал бумагу, которую начал заполнять, и швырнул ее в корзину.

Дверь распахнулась, в кабинет заглянул незнакомый мне детектив – бледный, черноволосый, с живыми черными глазами.

– О, Дик, ты не один? Извини, я не знал.

– Она уже уходит, – ответил лейтенант. – Сучка, – добавил он отчетливо, так, чтобы я слышала.

Чувствуя отвратительное, опустошающее бессилие, от которого слезы подступали к глазам, я вышла из кабинета. Достаточно было один раз обратиться в полицию, чтобы понять, что она заслужила и насмешки, и ненависть, и все те помои, которыми ее поливали в прессе.

– В чем дело-то? – спросил черноволосый, обращаясь к коллеге.

– Да мексикашка какой-то выхватил у нее сумку на улице, – презрительно ответил Майерс. – Делать мне нечего, бегать его искать по всему городу. В другой раз мисс из Петербурга умнее будет.

– А где это случилось?

– Возле универмага.

– Да? Отлично помню это место и ворье, которое там промышляет. Если он был один...

Окончания фразы я не слышала, потому что ушла, дав себе слово больше никогда сюда не возвращаться.

13

Выслушав мой сбивчивый рассказ, миссис Миллер недовольно покачала головой.

– Вам надо стать жестче, мисс, – сказала она. – Я понимаю, это трудно. Вы иначе воспитаны, у вас другой характер. Но вам придется научиться быть жесткой, иначе вам будет в жизни очень тяжело.

– Он не хотел принимать у меня заявление, потому что считал, что это бесполезно, – сказала я. – Что я могла сделать?

– Пойти к его начальству и нажаловаться. Поднять скандал, если необходимо. Вы не должны спускать пренебрежение к себе, иначе кончится тем, что каждый будет вытирать о вас ноги.

И она посмотрела на меня пронизывающим взглядом, который заставил меня поежиться и опустить глаза.

– Миссис Миллер, – сказала я, – я заплачу вам за квартиру, но позже.

– Конечно, вы заплатите, – усмехнулась старая ведьма. – Но подумайте хорошенько над тем, что я вам сказала.

Я подумала, что с таким же успехом она могла посоветовать хрупкой мимозе превратиться в кровожадного тигра, потому что ему легче живется. Миссис Миллер выдала мне запасной ключ от квартиры (мой был в сумке, которую у меня украли), и я отправилась к себе.

У меня еще оставались несколько долларов из суммы, которую мне заплатила миссис Блэйд, но на неделю их не хватило бы. Проще всего было бы взять в долг у кого-нибудь из коллег, но тут я вспомнила, как они обсуждали меня за моей спиной, и обозлилась до того, что у меня запылали щеки. (На самом деле, конечно, я все еще переживала унижение, перенесенное в полицейском участке.)

На следующий день я поехала в Калвер-сити, но в подпольный бар, где работала Сэди, меня не пустили – очевидно, мой взвинченный вид не внушал никакого доверия. Еле-еле я уговорила вышибалу позвать ее.

Сэди не на шутку рассердилась, что мне не дали войти.

– Фил, ты в своем уме вообще? – напустилась она на вышибалу. – Это знакомая Тони Серано!

– Извиняйте, мисс, – мрачно сказал вышибала. – Друзьям Тони мы всегда рады, а подругам – так особенно.

– Сэди, я только на минуту, – сказала я, отводя ее в сторону. – У меня случилась неприятность – выхватили сумку на улице, а там была зарплата за неделю. Ты не одолжишь мне десятку?

– Конечно, без проблем, – сказала Сэди, полезая в карман фартука. – Сумку просто вырвали или оружием угрожали?

Я рассказала ей, что со мной случилось. Сэди отдала мне десять долларов, и я поблагодарила ее от всей души.

– Я верну, как только смогу, – пообещала я.

– Может, зайдешь все-таки? – предложила Сэди.

– Нет, что-то не хочется. Не лежит у меня душа к веселью. Пока, Сэди, не буду больше тебя задерживать.

– Ну пока, – пожала плечами Сэди и удалилась.

Когда я вернулась домой, позвонила миссис Блэйд и спросила, как я смотрю на то, чтобы напечатать ее новый рассказ. Я ответила, что после ее недавнего романа с нетерпе-

нием жду новые плоды ее творчества. Миссис Блэйд смущенно хихикнула и объявила, что, если я не против, она будет у меня через сорок минут.

Она приехала через час и начала с того, что вручила мне пятьдесят долларов.

– Вы принесли мне удачу, – торжественно проговорила она. – Помните, вы говорили, что мой роман такой хороший, что его обязательно напечатают? Так вот, его действительно напечатают! И я уже получила аванс – полторы тысячи долларов!

Ее глаза сияли, губы улыбались, на желтоватых увядших щеках расцвел румянец. Было видно, что она упоительно счастлива, а я – я сидела, таращилась на пять измятых десятков на моем столе и чувствовала себя лживой, малодушной, лицемерной и завистливой – безнадежно завистливой. Почему бы, собственно, не позавидовать человеку, который не только написал роман, но и добился того, чтобы за него заплатили несколько тысяч долларов?

– Поздравляю вас, миссис Блэйд, – выдавила я из себя.

И какого черта я поторопилась, взяв в долг у Сэди? Теперь опять придется тащиться в Калвер-сити, объясняться с угрюмым вышибалой, который словно вышел из фильма ужасов и успел отлично обжиться в нашей реальности, и возвращать подружке Тони эти чертовы десять долларов.

Миссис Блэйд вытащила рукопись рассказа и пустилась в пространные объяснения, что именно она хотела выразить. Она была неистощима, но я не перебивала ее. Терпение – понятие растяжимое, и гораздо легче терпеть мелкие недостатки человека, который приносит вам больше пользы, чем вреда. Неожиданно миссис Блэйд умолкла и с беспокойством поглядела на меня.

– Прошу прощения, мисс Коротич, но... У вас все хорошо? Мне кажется... вы как будто мыслями где-то в другом месте...

– Пустяки, миссис Блэйд, – сказала я. – Представьте себе, вчера у меня выхватили сумку со всеми деньгами. – Моя собеседница тихо ахнула. – Я обратилась в полицию, но там со мной были так грубы...

Миссис Блэйд оживилась и пустилась в длинный рассказ о своих собственных столкновениях с полицией. Она согласна со мной: стражами порядка работают совершенно невыносимые люди, которым платят деньги непонятно за что. Когда ее сыну было десять, в дом забрался вор, и если бы миссис Блэйд не проснулась и не подняла шум, не исключено, что их бы всех зарезали в постелях. Полиция, само собой, никого не нашла. Недавно миссис Блэйд оштрафовали на дороге, придравшись к тому, что знак на автомобиле как-то не так висел. Неудивительно, что в газетах только и читаешь, что о всяких гангстерах, которые грабят, убивают и уходят от преследования. На что вообще можно рассчитывать с такими органами правопорядка?

Когда миссис Блэйд наконец удалилась, я почувствовала, что у меня ноет висок.

Я решила, что завтра же верну долг Сэди, но вечером на следующий день я села переписывать рассказ миссис Блэйд, который мне почти понравился (и пятьдесят премиальных долларов тут были ни при чем). В нем говорилось о девочке, о ее детстве, о незлой, но ограниченной матери и отце, который ставит порядок выше всего и не дает вздохнуть своим домочадцам. В истории чувствовалась личная нотка, и я подумала, что миссис Блэйд до сих пор в глубине души таит обиду на своих родителей за то, что они недостаточно любили ее. Я очень хорошо понимала ее, потому что моя мать никогда не любила меня, а отец, по-видимому, считал, что няньки лучше всего позаботятся обо мне, и редко появлялся в детской. Тут я заметила, что сделала несколько ошибок и пропустила кусок текста, и рассердилась на себя. Вытащив листы из машинки, я извлекла копируку, скомкала их и бросила в корзину, после чего продолжила печатать, на сей раз не позволив себе отвлекаться до самого конца рассказа.

На следующий день после работы я отправилась в Калвер-сити и вернула Сэди десять долларов.

– Жаль, что ты не приехала на полчаса раньше, – сказала она. – Ты как раз разминулась с мальчиками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.